

первая
среди
лучших

Татьяна УСТИНОВА

Каменя
из Ватикана

Татьяна Устинова
Каменя из Ватикана

Проклятая маска норовила сползти с носа, приходилось то и дело ее поправлять. Нелепые завязки путались в волосах – медицинских масок на резинках нынче не достать. Пришлось купить самопальные – сложенную в несколько слоев марлю с притороченными веревочками.

Возле дома старой княгини маска совсем развязалась. Тонечка плюхнула на траву пакеты, размяла затекшие пальцы в синих резиновых перчатках и стала копать в волосах, пытаясь выудить из кудрей хлипкие завязки.

– Зараза!..

– Теть Тонь, вы чего?

– Ничего, – пропыхтела Тонечка. – Маска свалилась, чтоб ее!..

Парень на велосипеде смотрел на нее малость свысока – ему понаехавшие москвичи в масках, перчатках и очках казались идиотами. У него самого маска была завязана на щетинистой шее – на тот случай, если менты или какие-нибудь рьяные дружинники прицепятся. А спортивные перчатки с полупальцами всегда при нем, сойдет!

И требования все выполнены! Маска – вот она, перчатки на месте.

– Может, подмогнуть, тетя Тонь?

– Да я пришла почти.

Она бы и согласилась, чтоб «подмогнул», но ее донельзя раздражало обращение «тетя Тоня» из уст великовозрастного парня, у которого в плечах косая сажень и борода как у дьякона!.. Он работал водителем при больнице и подрабатывал извозом. Пару раз Тонечка ездила с ним в Тверь купить то, чего было не достать в Дождеве, – свежую клинскую колбасу, креветки, всякие излишества.

Тонечка зацепила маску за ухо и махнула парню:

– Езжай, Коль, спасибо!

Парень, нажав на педали, рванул с места, покатыл и поднял велик на дыбы – как пить дать фасонил перед «тетей Тоней»!

Тонечка вздохнула.

Жизнь изменилась в одночасье, и привыкнуть к этой новой было сложно.

Принимаясь за пакеты, она кинула взгляд на дом старой княгини и замерла.

Старуха стояла возле окна – шторы она никогда не задергивала – и неотрывно смотрела на Тонечку.

– Добрый вечер, – пробормотала столичная сценаристка испуганно. Разумеется, неподвижная старуха за окном не могла ее слышать, и Тонечка решила на всякий случай поклониться.

Она произвела некое неловкое движение туловищем и даже попыталась шаркнуть ногой.

Старуха не шелохнулась.

Тонечка собрала ручки многочисленных пакетов и потащилась дальше.

Следующий за старухиным участок пустовал, как видно, хозяева не смогли вырваться из зачумленной Москвы, а уж там и Тонечкин дом.

Она попой толкнула калитку, взволокла поклажу на высокое крыльцо, выхватила из кармана брызгалку, щедро обработала перчатки и ручки пакетов и наконец-то стянула маску.

...Вот как к ней привыкнуть, к этой новой реальности?!

Она почти разгрузила пакеты, когда со второго этажа скатился Родион, за ним припрыгало собакообразное насекомое с раскидистыми ушами и улыбкой на черной с подпалинами морде.

– Я же тебе сказал, что сам в магаз схожу! – с ходу начал атаку мальчишка. – Раз сказал, значит, сделал бы!..

– Чем ужинать будем?

– Мне папа велел, чтоб я за тобой смотрел! А как за тобой смотреть, если ты не слушаешься?!

– Ночь скоро, – миролюбиво заметила Тонечка. – А есть хочется уже сейчас. Смотри, на выбор макаронны с сыром, гречка с котлетами, у меня фарш остался. Могу картошки с грибами нажарить, я замороженных опят купила.

– А что быстрее?

Тонечка усмехнулась. По всему видно, есть хотелось не ей одной.

– Все быстро! Я ловкая, ты же знаешь.

Родион посмотрел на мачеху.

Она правда была ловкой и... веселой. После детского дома, в котором он прожил, считай, десять лет, ему очень нравилось, что с родителями, с отцом и мачехой, всегда весело. Не то чтоб они то и дело представляли сценки или рассказывали анекдоты, но как-то так себя вели, что с ними было интересно и не страшно, что вот-вот поругаются и все кончится!..

Родион выбрал котлеты с макаронами, а Тонечка возразила, что раз котлеты, значит, с гречкой, и принялась за дело.

– А вкусного купила?

Вкусным считались ванильные сухари, обсыпанные сахаром, маковые сушки, мармелад – чем резиновей, тем лучше, – овсяное печенье, соломка и всякое такое.

Тонечка заверила, что купила, но до ужина ничего не даст, чтоб не перебил аппетит.

– Тоня, я же не маленький! – возмутился Родион. – Мне семнадцать будет!

– Даже когда тебе стукнет пятьдесят восемь, ты должен помнить, что набивать живот сладким вредно.

Она сама сейчас с удовольствием вместо гречки съела бы пирожное «Картошка» – две штуки – и запила тремя стаканами чаю, но никак нельзя. Во-первых, дурной пример для Родиона. Во-вторых, в магазин «Рублевочка» пирожных «Картошка» не завозят.

...Надо же было так назвать продуктовую лавку в центре города Дождев Тверской губернии! Прямо какой-то литератор называл, стилист!.. Тут тебе и намек на шикарную жизнь – Рублевка, не что-нибудь! – и на дешевизну – рублик, всего ничего! И звучит ласково.

Родион подхватил с пола собакообразное существо, которое выписывало вокруг них кренделя и вензеля, поцеловал в морду, немного смутился и пристроил свою худосочную задницу на столешницу, почти что в миску с фаршем.

– Куда ты сел, слезай сейчас же!..

– А старую княгиню зовут Лидия Ивановна, – сообщил Родион. – Она раньше в Москве жила, а теперь здесь, в Дождеве.

– Откуда ты знаешь?

– Сама сказала! Она сегодня опять на ручей ходила.

По невесть когда установленному неписаному закону жители всех трех домов вдоль ручья выходили к воде через Тонечкин участок. На берег вела узорная чугунная калиточка, обычно закрытая на проволочный крючок. В заборах в самом дальнем конце участков тоже были калитки, вообще ни на что не закрытые, а всегда настежь распахнутые. Старая княгиня являлась дважды в день, Тонечка видела ее из окна. Она проходила вдалеке, не глядя по сторонам, некоторое время возилась с крючком, выходила к ручью и усаживалась на скамейку под березами. Сидеть там она могла сколько угодно, иногда час, а когда потеплело, то и дольше!

Родион то и дело бегал рисовать ручей, березы, траву, калитку, скамейку – он вообще или ел, или спал, или рисовал, засадить его за уроки не было никакой возможности, особенно сейчас, когда всех разогнали на удаленку.

– Она спросила, что я рисую, и я ей показал, она сказала – хорошо, – продолжал Родион. – И про Буську спросила, что за порода. Я сказал, что пражский крысарик, а она сказала, что Прага вообще загадочный город.

– Загадочный? – переспросила Тонечка машинально.

Она пыталась порезать огурец, но дело не двигалось – только она отрезала кружок, как Родион выхватывал его и съедал, смачно хрупая. Она бросила резать и сунула оставшиеся пол-огурца мальчишке. Родион помычал благодарственно.

– Тонь, а папа приедет?

– Кто его знает.

– И ты не знаешь?!

– У него же люди работают. То есть сейчас как раз не работают, вся работа остановлена. Ему нужно придумать, чем платить, где денег добыть. Пока не придумает, не приедет.

– А он придумает? – с тревогой спросил Родион.

Ему требовалось, чтоб Тонечка его успокоила. Как жить, если ни она, ни даже отец не знают, что дальше?..

– Придумает, – сказала Тонечка, все поняв. – Он очень умный. Садись, котлета готова. Ты собаку кормил?

Родион возмутился:

– Ты же знаешь, собаку я кормлю всегда в шесть часов!

...Это правда. Безалаберный мальчишка вполне мог проспять школу, завтрак, репетитора, онлайн-урок, но накормить свою собаку никогда не забывал.

– Еще она спросила, чей я, а я сказал, что Германов, – продолжал Родион, сгорбившись над котлетой. Он хватал куски, обжигался, выплевывал и дул на них.

– Веди себя прилично, – велела Тонечка. – Какой-то странный вопрос, чей! Ты же не собака!

– Ну-у, она так спросила: мальчик, ты чей? Я и сказал. Еще я хотел ей показать, как я ее нарисовал, но у меня альбомы в доме, завтра покажу.

– Ты ее тоже рисовал?

Родион покивал:

– Она такая красивая! И одета странно.

Тонечка все никак не могла привыкнуть, что ему нравится не то, что другим! Ему нравились покосившиеся заборы, букашки, лужа, припорошенная цветочной пылью, воробей, склевавший дождевого червяка, провалившиеся мостки у ручья. Вот старуха понравилась тоже...

Тонечка постоянно чувствовала тревогу. Ей казалось, что она должна... защищать и оберегать мальчишку. От всего. Человек, которому нравятся воробьи, собаки и старухи, сам себя защитит и уберечь не сможет...

Она подложила ему еще котлету, и он заглянул в сковородку, осталось или нет.

Оставалось три штуки, вот красота!

– А что к чаю?

– Вареная свекла с медом.

– Что, правда? – У Родиона вытянулось лицо.

Тонечка вздохнула.

– Лимонные дольки, халва, сушки и две разные шоколадки.

– С орехами?

– Одна с орехами.

Это было совсем другое дело, и Родион великодушно предложил поставить самовар.

Иногда они так развлекались по вечерам – пили чай из самовара. С ним приходилось довольно долго возиться, иногда он напрочь не желал растапливаться, капризничал, но к сегодняшнему пиру самовар был просто необходим, и Тонечка согласилась.

Она помыла посуду, прислушиваясь к тому, как мальчишка тюкает перед крыльцом топориком, пытаясь наколоть щепок, взглянула в окно, отвела глаза и посмотрела еще раз.

На соседний участок, который пустовал с самого начала карантина, вползал черный «Мерседес», ворота были распахнуты.

Выходит, хозяева все же приехали.

Должно быть, хорошо, что приехали. С тех пор как всех разогнали по квартирам и дачам – на самоизоляцию! – Тонечка почти не видела людей, и к этому привыкнуть было даже труднее, чем к перчаткам и маске. С другой стороны, непонятно, вдруг они привезли из Москвы эту самую заразу, а общительный Родион то и дело забывал и про маску, и про перчатки. Здесь, среди тверских лесов и болот, никакой «особый режим» не объявляли, но Тонечка все равно беспокоилась – мало ли...

Она накинула на плечи облезлую жилетку из странного меха, именуемую в семье «позорный волк», и вышла на крыльцо. Родион прилаживал к самовару трубу, отворачивался от дыма, закрывался локтем, собака бегала вокруг, то и дело от восторга припадая на передние лапы.

...Как хорошо, подумала Тонечка, что она догадалась взять Родиону собаку!.. Они как-то сразу оказались вдвоем, вместе, парой! Вместе привыкали к московскому быту, вместе прилаживались к семье, вместе осознавали, что теперь есть и отец, и мать-мачеха, и брат, и сестра, и дед-генерал, и бабушка Марина!..

После детского дома в Угличе такие перемены давались нелегко, но вместе, вдвоем всегда проще и лучше!

Над дальним концом участка, над ручьем, висела низкая снеговая туча – даром что май на пороге! Нынче все смешалось, не стало ни зимы, ни весны, сплошное безвременье. Солнце из-за края тучи подсвечивало едва зазеленевшие березы, и свет был тревожный, беспокойный.

Родион наконец приладил трубу, из нее сразу повалил густой белый дым и хорошо запахло разогретой смолой.

Мальчишка игогокнул, понесся по лужайке, крошечная собака, как на стрекозиных крыльях, полетела за ним.

– Смотри, какое солнце! – прокричал Родион издалека. – Дай мне альбом, я нарисую быстро.

– Не дам, – отозвалась Тонечка с крыльца. – Ты проспишь самовар, и мы чаю не поьем!

...Хорошо, что участок есть! В московской квартире на этом самом карантине все бы с ума сошли.

Впрочем, бóльшая часть детей осталась как раз в квартире – Настя и Даня уехать не смогли. Старый дом никакими новинками современной техники оборудован не был, интернет еле шевелился. Тонечке, чтобы Родион хоть как-то учился на удаленке, приходилось мудрить, раздавать сигнал с телефона, метаться по комнатам, выискивая угол, где стабильный прием. Настя училась в театральном и с первого же дня карантина просиживала за компьютером днями и ночами – особенно занятно было наблюдать уроки по сценическому движению, когда Настя перед компьютером выделяла немыслимые па, а педагог из монитора оценивал, насколько удачно у нее получается. Даня бесконечно бубнил на суахили, писал и сдавал контрольные и курсовые – он в университете осваивал «басурманский язык», как формулировал его отец и по совместительству муж Тонечкиной матери Марины Тимофеевны.

Тонечка улыбнулась.

...Вообще в семейном древе Германов – Морозовых – Липницких легко заблудиться и пропасть!

Кто бы мог подумать еще два года назад!

Жили-были три девицы – бабушка Марина, дочка Тонечка и внучка Настя. Жили-поживали, добра никакого особенно не наживали, им это и в голову не приходило. В одночасье все изменилось. На их терем-теремок в Немчиновке надвинулись странные и невероятные события, и, главное, откуда-то появилась целая куча разных мужчин!.. Бабушка Марина вышла замуж за генерала Липницкого, который прибыл в ее жизнь вместе с сыном Даней. На Тонечке женился знаменитый продюсер Александр Герман, а потом нашелся его сын Родион, и в кроне семейного древа все ветви окончательно и бесповоротно запутались!..^[1]

Даня как-то сразу стал братом Насте, хотя его сестрой должна была считаться Тонечка, Родион через неделю после воссоединения с семьей стал называть Марину бабушкой, а генерала – дедом, хотя ни один, ни второй вообще не были ему родственниками!.. Детдомовского мальчишку благополучные и сытые московские дети старательно опекали, но... не слишком им интересовались. Они были от души заняты собой, своим образом жизни, друзьями, учебой. Александр Герман к появлению сына, о котором он шестнадцать лет ничего не знал, относился словно с изумлением.

Этот новый сын учился из рук вон плохо, в московской школе почти не тянул, зато постоянно рисовал – его комната как-то моментально превратилась в свалку из альбомов, тюбиков и банок с красками, карандашей, разрозненных листов александрийской бумаги, обрывков, клочков, яблочных огрызков, конфетных бумажек, невымытых кружек и мятой одежды. Вещи мальчишку вообще не интересовали.

Зато интересовала еда. Он безостановочно ел и, кажется, только худел – щеки у него совсем ввалились, еще длиннее стали тонкие, как щепки, руки, вытянулась и без того гусиная шея.

Самым главным его другом была собака Буся, и сразу следом за ней – Тонечка.

– Родька, смотри за самоваром! – крикнула Тонечка в сторону лужайки, по которой наперегонки носились мальчик и собака.

И посмотрела на соседний участок.

Машина стояла на плиточном пятачке перед домом, над крыльцом горела лампочка, свет ее терялся и таял в вечернем солнечном сиянии.

...Интересно, кто же это приехал?..

Дом в Дождеве принадлежал давно покойным родителям ее мужа, Тонечка раньше никогда здесь не жила и соседей не знала. Величественную старуху, обитавшую через дом, они с Родионом называли старой княгиней, так ее окрестила Тонечка, а когда мальчишка спросил почему, приволокла ему первый том «Войны и

мира». Родион моментально заскучал, стал оглядываться по сторонам и предложил помыть посуду. Тонечка два вечера убила на пересказ эпопеи своими словами, и только потом догадалась включить ему английский сериал.

В английском сериале всех главных героев играли молодые артисты, и Родион постепенно втянулся, но смотрел «Войну и мир» как неандерталец или англичанин – никакие нравственные проблемы его не волновали, зато интересовало, кого убьют, кто на ком женится и не разорится ли Пьер.

Состояние финансов Пьера казалось Родиону гораздо важнее, чем его масонские искания!..

После того как убили Петю Ростова, Родион наотрез отказался смотреть дальше, и Тонечке пришлось брать его измором, убеждая, что после все пойдет как нельзя лучше, и обещать в обмен на просмотр пирог с мясом.

Насилу одолели.

Оказывается, старую княгиню зовут Лидия Ивановна – вполне подходящее имя.

Тонечка зашла в дом, поставила на круглый стол чашки и «вкусное», о котором мечтал Родион, и позвонила мужу.

– Я занят, – сообщил телефон мужниным голосом, едва прекратились гудки. – Я на работе.

– Бог в помощь, – отозвалась Тонечка.

Родион втащил плюющийся кипятком самовар, водрузил его на подставку и спросил, как там папа.

Тонечка проинформировала, что папа на работе. Занят.

– А мы когда в Москву поедем?

– Когда карантин снимут.

– А когда карантин снимут?

– Как только болеть перестанут.

– А когда перестанут?

– Садись, – сказала Тонечка. – Тебе чай с мятой или так?

Они долго пили чай и смотрели дурацкое кино под названием «Бруклин». Родион его обожал, а Тонечка терпеть не могла, но считала нужным подлаживаться, чтоб мальчишка не чувствовал себя в одиночестве.

Разошлись поздно, и Тонечка долго еще не спала, все думала, как жить, когда кругом карантин, муж бесконечно занят и сердит, родители в группе риска, а дети брошены на произвол судьбы. И все из-за какого-то проклятого вируса!

Кто бы мог подумать еще три месяца назад! Кто мог предположить, что закроются магазины, кафе, химчистки, парикмахерские, а кое-где и дороги, что «скорые» будут часами стоять в очередях, чтобы сдать заболевших в приемный покой, а патрули на улицах станут спрашивать пропуска и выписывать штрафы вышедшим без разрешения!..

– Вирус, – вслух сказала Тонечка, устав думать, – ты подложил нам колоссальную свинью!..

Заснула она под утро, и снилось ей нехорошее.

Алгебру-онлайн они, ясное дело, проспали, а математичка была не только бестолковой, но и вредной. Она уже не раз грозилась, что не аттестует Родиона, если тот не «подтянет предмет», а тут еще и проспали!..

Тонечка растолкала мальчишку только к третьему уроку, усадила перед ноутбуком, велела не качаться на стуле, не чесаться, не рисовать, а слушать, налила ему кружку горячего чая и едва успела выскочить из кадра, когда урок начался. Третьим уроком была информатика, ее вел импозантный молодой учитель, а Тонечка с утра даже причесаться не успела!..

Дав себе слово каждый день ставить будильник на семь тридцать, как в Москве, – и без всяких поблажек! – она стала соображать, что бы такого приготовить на завтрак. Или уже ничего не готовить, а

дождаться обеда, когда у Родиона кончится вся эта онлайн-канитель?..

В обучение на удаленке Тонечка не верила ни секунды. Еще с того момента, когда все только началось. Должно быть, где-то есть дети, рвущиеся к знаниям, как Михайло Васильевич Ломоносов, готовые ради учения на все, твердо осознающие, что ученье – свет, а неученье – тьма, но ее собственный ребенок к таковым не имел никакого отношения. Он и в школе-то учился едва-едва, а уж дома совсем перестал, и не было никакой возможности заставить его слушать, записывать, вникать!.. Он сидел перед компьютером, из которого учителя толковали о квадратных корнях и бензольном кольце, и рисовал свои картинки, а собака устраивалась у него на коленях. Его жизнь была прекрасна! Если б от него еще отстали с этим дурацким сидением возле компьютера во время уроков, вообще был бы рай!

Тонечка вздохнула.

Повезло, что в этом году не нужно сдавать никаких экзаменов. Вот был бы цирк, если б им пришлось в городе Дождев готовиться к ЕГЭ!..

Она сварила кофе, взяла чашку и вышла на террасу. Старый дом одним крыльцом выходил в палисадник и на дорогу, а другим в сад и на лужайку. На террасе стояли ветхий овальный стол и пара плетеных кресел с продавленными подушками. Когда-то подушки были, должно быть, роскошными, крытыми желтым атласом с золотым отливом. Теперь ткань повитерлась, из нее в разные стороны торчали нитки, Родион сказал – очень красиво.

И Тонечка с ним согласилась.

На улице было солнечно и холодно, и, поставив чашку, Тонечка вернулась в дом за «позорным волком». Сверху что-то бубнил импозантный учитель информатики, Родиона не было слышно.

Она вернулась на террасу, уселась, отхлебнула кофе и зажмурилась от счастья.

...Вот так бывает?.. Кругом кризис, вирус, светопреставление, а она, Тонечка, в эту секунду чувствует себя настолько счастливой, что готова заплакать восторженными слезами!

«И, сладко плача, я ушел за бузину», – вспомнилось ей откуда-то.

Она вытянула ноги, запахнув плотнее пожилого «позорного волка», и неожиданно обнаружила на своем участке... человека!

Какая-то женщина, кажется молодая, вбежала в распахнутую калитку с соседнего участка и теперь мчалась по дорожке к дому.

Тонечка поднялась.

– Вы можете мне помочь? – выпалила женщина, немного не добежав до террасы. – У нас несчастье.

Тонечка сбежала с крыльца.

– Вы здесь живете? – лихорадочно продолжала незнакомка. – Вы кого-нибудь знаете? Кому можно позвонить?

– Да что случилось-то?!

– Бежим, – сказала женщина и припустилась по траве, сокращая расстояние.

Тонечка топала за ней.

– Я вчера только приехала, – на ходу говорила женщина. – Вечером уже. А сегодня вышла... И тут... Я не знаю, что делать... Я на тот участок сбегала, но там нет никого...

Тонечка вдруг всерьез забеспокоилась.

Сначала ей было просто любопытно, а тут стало тревожно.

Следом за женщиной она вбежала на соседний, в лопухах и одуванчиках, участок. Разросшийся куст сирени с головы до ног обдал ее водой – ночью прошел дождь.

– Сюда, сюда, – торопила женщина.

Они выскочили на лужайку, почти такую же, как у Тонечки. Когда-то здесь, видимо, хозяйничали и наводили красоту, потому что посередине был сооружен некий холмик, напоминавший альпийскую горку, а рядом торчал деревенский колодец с воротом и двускатной крышей.

– Я вышла, – задыхаясь, говорила женщина, – и... вот... Я хотела помочь, а уже поздно... Что нам делать?

И тут Тонечка увидела.

На траве, в желтых одуванчиках, привалившись спиной к колодцу, сидела старая княгиня. Ноги в высоких башмаках на пуговицах были вытянуты, тяжелые руки лежали вдоль тела совершенно спокойно. Старая княгиня смотрела прямо перед собой, очень строго.

– Она что? – шепотом спросила Тонечка, хотя все было ясно. – Умерла?

Женщина покивала.

– Я хотела ее поднять, – тоже шепотом сказала она, – нагнулась, а она вся... холодная уже.

Тонечка присела и дотронулась до руки старой княгини. Рука и впрямь была холодная и влажная – в росе.

– И что теперь делать? – продолжала женщина. – Куда-то же надо звонить! Только куда? И кто это? Откуда она взялась? Я вчера приехала, ее не было!

– Это Лидия Ивановна, соседка с той стороны. – Тонечка поднялась. Губы у нее дрожали, так было жалко старуху! – Она каждый день через нас ходит на ручей, на лавочке сидит...

– Она одна живет?

– Я не знаю, – Тонечка глубоко вздохнула, прогоняя ненужные слезы. – Наверное, мы должны к ней домой сходить для начала...

– А... она? – Женщина кивнула на старую княгиню. – Тут останется? Нехорошо как-то.

– Нехорошо, – согласилась Тонечка. – Я сбегаю, а ты постой рядом с ней, ладно? Как тебя зовут?

– Александра, – спохватилась собеседница. – Саша Шумакова.

– А я Антонина Герман. Я сейчас, быстро!

Участок старой княгини весь зарос жасмином, сиренью и лопухами. Давно не кошенная трава полегла от дождя, на дорожках стояли лужи.

Тонечка взбежала на крыльцо и позвала:

– Есть кто-нибудь?

Никто не отозвался.

Дверь была открыта, и Тонечка вошла.

В доме пахло старым деревом, мирно тикали часы и капала из крана вода.

– Здравствуйте! – прокричала Тонечка. – Здесь есть кто-нибудь?

Было понятно, что в доме никого нет, но от растерянности она еще прокричала и постояла, прислушиваясь.

Часы засипели, внутри щелкнуло, и они начали бить. Взблескивал медный маятник.

Тонечка прикрыла за собой дверь и вернулась к соседке.

– Нет там никого, – сообщила она, стараясь не смотреть на старуху. – Я что-то тоже не могу сообразить, что нам делать. Главное, она вчера была жива и здорова, я ее видела, она на меня в окно смотрела! А Родион с ней разговаривал! Родион – это наш сын.

Саша Шумакова покивала.

...В разного рода передрягах у Тонечки всегда был один и тот же план действий. Она звонила мужу, тот говорил, что следует сделать, и дальше все как-то решалось.

Словно само собой.

– Подожди, – сказала Тонечка соседке. – Я позвоню.

– Почему ты вчера вечером не отвечала? – осведомился муж, как только в трубке перестало гудеть. – Я раз пять звонил!

– Ты же знаешь, какая здесь связь.

– Так, – услышав ее, сказал муж совершенно другим тоном. – Что случилось, Тоня?

– Старуха, – выговорила Тонечка. – Лидия Ивановна, соседка, старая княгиня! Я тебе про нее рассказывала. Она умерла. Сидит возле колодца... совершенно мертвая.

– Так, – повторил муж. – Ты только не плачь, Тонечка.

– Я не могу. – Она всхлипнула. – Мне ее жалко. И мы не знаем, что теперь делать!

– Кто мы? Вы с Родионом?

– Нет, Родион в доме, он ничего не видел. Мы с Сашей Шумаковой.

Великий продюсер всех времен и народов Александр Герман не стал уточнять, кто такая Саша Шумакова и откуда она взялась. Ему нужно было срочно избавить жену от переживаний – он терпеть не мог, когда она страдала, чувствовал себя виноватым и от этого злился на нее же.

– Я сейчас найду вашего участкового, – сказал он. – Вы ничего не трогайте, оставьте все как есть. Он придет и займется.

– Саш, – проскулила Тонечка. – Главное, она вчера на ручей ходила и разговаривала с Родионом, понимаешь?.. А сегодня умерла... возле колодца.

– Так бывает, Тоня. – И мимо трубки, совершенно другим голосом: – Найдите мне Славу Селиверстова, это мэр Дождева. Дождев – город в Тверской области.

И снова ласково, как ребенку, Тонечке:

– Ступай домой, оставь возле... бабуси эту Сашу Шумакову. И не страдай, слышишь, Тоня? А я в выходные постараюсь приехать. Как Родион?

Тонечка понимала, что это маневр и рассказывать про Родиона ей сейчас не нужно, поэтому пробормотала:

– Спасибо тебе, Саша. Как я соскучилась, знал бы ты.

– Я тоже соскучился, – признался он. – Живу, как дикий человек, без семьи, без детей!.. Ну все, у меня тут мэр нашелся. Я перезвоню.

Тонечка только успела отвести руку от уха, как муж уже перезвонил:

– И не ввязывайся ни во что! – велел он. – Особенно в уличные потасовки и детективные расследования! Лучше сценарий пиши!

Тонечка писала сценарии для сериалов и с точки зрения великого продюсера делала это очень медленно. Его бы воля, он бы ее заставил каждую неделю выдавать по сценарию!

– Ты поняла, Тонечка?

– Я все поняла, Сашечка.

...Разумеется, домой она не пойдет, останется с Сашей Шумаковой и мертвой старой княгиней ждать участкового!

– Ну что? – с тревогой спросила Саша. – Что нам делать?

Тонечка вздохнула:

– Велено ждать.

– Я так испугалась, – призналась Саша. – Я вообще-то не пугливая, а тут прямо... испугалась.

– Я понимаю.

– Главное, только приехала!.. Пока весь офис на карантин выпроводила, пока то, пока се... Люди боятся, у всех истерика, что дальше – никто не знает! Вот уехала, и тут!..

Тонечка опять вздохнула.

Они топтались в лопухах и одуванчиках, говорили приглушенно, на мертвую старуху не смотрели, и обе чувствовали неловкость от того, что в присутствии смерти говорят о пустяках.

Внезапно в высокой траве показались собачьи уши, и крохотная собака радостно помчалась к ним.

– Буся, стой! – перепугалась Тонечка. – Буська, кому я сказала! Родион, не ходи сюда! Забери собаку!

– Зачем? – И мальчишка вынырнул из-за кустов сирени. – А почему ты ушла?

– У тебя же уроки!

– Интернет повис! – И Родион изобразил руками победный жест. – Все выключилось! И света нету! Ура!..

Тонечка ринулась ему навстречу.

– Вернись домой, – приказала она. – Я сейчас приду.

– Да чего такое-то, Тонь?..

Вдруг маленькая собака заскулила, а потом зарычала, тихо, но грозно. Тонечка ни разу не слышала, чтоб пражский крысарик скулил, да и тявкал он редко!

– Буська, ты чего? – поразился Родион. – Ты на кого?..

– Родион, иди домой сейчас же!

Но куда там!.. Мальчишка помчался за собакой, подхватил ее на руки, прижал к себе и вдруг замер.

– Родион!..

– Она умерла, что ли?

– Да. Уходи отсюда.

– Да нет, не может быть. Я ей обещал рисунки показать.

Он подошел и наклонился над старой княгиней. Собака опять тихонько заскулила.

Тонечка взяла его за руку и повернула спиной. Он вырвался и присел перед старухой на корточки.

– Так не бывает, – сказал он совершенно спокойно, разглядывая лицо старой княгини.

– Меня зовут Саша Шумакова, – сказала соседка и взяла его за плечо. – А тебя?

– Родион Герман, – сообщил мальчишка.

На Сашу он даже не взглянул, продолжал рассматривать старуху.

– Почему она умерла? – строго спросил он у Тонечки.

– Мы не знаем. Может быть, с сердцем плохо стало.

– Или просто от старости, – предположила Саша.

– А вдруг она еще жива?

– Нет, Родион.

Тонечка не знала, как его отвлечь. И не знала, понимает ли он, что такое смерть.

– Ты вот что, – наконец придумала она. – Ты сбегай, пожалуйста, в поликлинику, скажи дежурной, что у нас соседка умерла, пусть они бригаду пришлют. Сможешь?.. Пойдем, я тебя провожу.

– Только я не знаю, где поликлиника.

– На той же улице, где наш магазин, чуть подальше. Такой зеленый длинный барак. Написано: «Поликлиника». Если они такими вопросами не занимаются, попроси дежурную позвонить в больницу или в «Скорую». Ты понял?

– Понял, понял.

– Наденешь перчатки и маску, – продолжала Тонечка. – И не снимай! И ничего там не трогай! И глаза не три!

– Тонь, а разве так бывает? Вчера человек был жив, а сегодня уже умер?

– Только так и бывает.

– Странно, – сказал Родион задумчиво. – Очень странно. И непонятно.

– Никто не понимает, – отозвалась Тонечка. – Вот ты Толстого не стал читать, а у него там про это много! Он тоже не понимал, как это. Саша, я сейчас вернусь.

Она заставила Родиона натянуть маску и перчатки – и он послушно надел все, как видно, думал о другом, – нацепила на

собаку ошейник, всучила мальчишке поводок и проводила до калитки.

– Бегите.

...День получился странным и трудным.

Вначале пришел коренастый парнишка в форме, отрекомендовался участковым, поцокал языком над старой княгиней и стал спрашивать какую-то ерунду – кто нашел, когда, что сделал, куда пошел. Ерунду он старательно записывал, время от времени вздыхал и качал головой.

Потом прибежал Родион с собакой на руках, а следом за ними запыхавшаяся полная молодая женщина в дождевике, накинутом поверх белого халата. Женщина оказалась врачом из поликлиники, пользовавшая Лидию Ивановну.

Потом приковыляла выдавшая виды «Газель» с красными крестами на боках. Из нее вышли санитары, вытащили жуткие серые носилки – как похоронные дроги. С водительского места выбрался тот самый Коля, который вчера гарцевал вокруг Тонечки на велосипеде. Вместе с санитарями он зашел на участок, посмотрел на старую княгиню, закурил и изрек что-то вроде:

– Вот жизнь...

– Главное, и больна-то не была ничем особенно, – с досадой сказала врачиха. – И болезней себе не выдумывала! Старики любят себе хвори сочинять, а Лидия Ивановна никогда!..

– Почему она умерла? – спросил Родион в который раз.

Врачиха развела руками:

– Мало ли. Может, инсульт. Или тромб оторвался.

– Родственники у нее есть? – спросила Тонечка.

– Да кто ж их знает, – отозвался участковый. – Жила одна, это точно могу сказать, иногда вроде племянник к ней наезжал, а там... не в курсе мы.

– Нужно родственников известить.

– Их еще сначала найти бы неплохо! – залихватски ответил участковый, которому нравились Тонечкины формы и кудри, хоть

она и была старовата, лет тридцать пять, не меньше!.. А может, и все сорок, кто их знает, столичных!

Вторая, у которой на дворе старуха преставилась, была еще краше – высокая, джинсы в обтяг, грудь уверенная, сама быстрая, порывистая, э-эх!.. Но таких цац участковый побаивался и как будто не до конца верил в их существование. Таких по выходным показывали на НТВ в программе «Звезды взошли», у них то и дело крали бриллианты и детей, мужики их избивали, зато потом платили миллионные отступные, они были блогершами и актрисами. И еще певицами!.. Участковый считал себя человеком здравомыслящим и на такой дешевый развод не велся – ну, так люди не живут, это все специально выдуманно, чтоб народ отвлечь!.. Ну, чтоб народ не очень по пенсиям грустил, за детскими пособиями не ломился, за коммуналку исправно вносил и штрафы платил, а ему за все это по телику кралей показывают – груди, попы, бриллианты и как мужики их метелят!

Когда старую княгиню санитары принялись взволакивать на носилки, Тонечка почти насильно утащила Родиона домой. Саша Шумакова проводила их до крыльца – она тоже не хотела смотреть.

– У меня хлеб свежий есть, – проинформировала она и отвела глаза. – Московский! Масло сливочное и банка икры. Большая. Мне партнеры на Новый год привезли в подарок. А я так и не попробовала.

– Вот и прекрасно, – бодро откликнулась Тонечка. – Родион нам самовар поставит, как вчера. Сейчас все уедут, и станем... пировать.

На улице зафырчала «Газель», они прислушались.

– Должно быть, все, – заметила Тонечка. – Забрали.

Вскоре появился участковый.

– Просьбица у меня к вам, – сказал он, конфузясь. – Там Вячеслав Андреевич, мэр наш, сильно за покойницу переживает. Может, вы по-соседски у ней в доме посмотрите, вдруг какие бумажки остались, записки? Ну, чтоб мы родственников известили! Телефон у ней был, не знаете?

– Я не видела, – отозвалась Тонечка.

– Может, и телефон найдется. Я бы сам занялся, но мы все на усиление брошены. Дорогу в лесу сторожим.

– Зачем? – машинально спросила Тонечка.

Участковый вздохнул:

– Да ни за чем. По дури. Чтоб, стало быть, москвичи без пропусков через лес в Конаково не ехали. Через лес запрещено.

– Почему?

– Да говорю ж, по дури. Вы уж помогите по-соседски, лады? Посмотрите! Дверь потом замкните, а ключик у себя оставьте. Если чего найдете, звякните, вот номер мой!

– Хорошо, – согласилась Тонечка.

Отправляться в дом старой княгини ужасно не хотелось, но они с Сашей пошли.

Родион увязался за ними.

– В больнице у них интересно, – рассказывал он, пока они переходили с одного участка на другой. – Все старое, жуть! Полы провалились, потолки черные, пакля торчит. И такие скамейки деревянные в коридоре. Я там попа видел. Он на скамейке как раз сидел.

– Не попа, а батюшку, – поправила Тонечка.

Родион не обратил внимания.

– Тонь, если поп служит Богу, он что, не может его попросить, чтоб не болеть? И жить вечно?

Саша Шумакова оглянулась и посмотрела сначала на Родиона, а потом на Тонечку.

– Ну, поп ведь обычный человек. То есть батюшка, – поправилась Тонечка. – И не все его просьбы Бог исполняет. И не всегда.

– А зачем тогда работать попом? То есть батюшкой?

Тут теологический диспут закрылся сам собой – слава богу! – потому что они пришли в дом старой княгини.

– Как тут искать-то? – спросила Саша вполголоса и скинула у порога мокасины. – Мы ж не сыщики!..

– Посмотрим, может, правда найдем какие-нибудь записные книжки.

– Лучше б участковый сам искал.

– Ты же слышала. Он лес сторожит. От москвичей.

В доме было тихо, чисто и хорошо пахло – должно быть, княгиня любила свое жилище и ухаживала за ним. С заднего крылечка был вход на террасу, как и в Тонечкином доме. С террасы наполовину застекленная дверь вела в большую, на четыре окна, комнату.

– Есть кто? – на всякий случай крикнула Тонечка. – Соседи пришли!

Конечно, никто не отозвался. Только тикали по-прежнему часы и где-то мерно капала вода.

В комнате было полутемно – когда утром Тонечка сюда забежала, не обратила внимания, что на всех окнах задернуты занавески.

– Где мы будем искать? – спросила Саша.

– Я предлагаю по верхам посмотреть, и все, – решительно сказала Тонечка. – На столе, в прихожей, на этажерке. Подожди, я шторы раздвину.

Мебель в комнате была старинная – жесткие стулья, круглый стол на одной ноге, этажерка с полированными шишечками. На пузатом комоде кружевная вязанная крючком салфеточка. На салфетке черно-белая фотография пузатого мальчугана в трусах и панаме.

– Как ты думаешь, это родственник? – спросила Тонечку Саша. – Наверное, нужно из рамки вынуть и посмотреть, вдруг там что-нибудь написано, да?

Тонечка покивала.

Родион стоял в дверях с собакой на руках. Вид у обоих был настороженный.

Кругом был образцовый порядок, только на диване все подушки раскиданы, одна даже свалилась на пол. И скатерть на круглом столе сдвинута – один край свисал почти до пола. Тонечка вернула подушку на диван и поправила скатерть. На столе не было никакой посуды, кроме единственного блюдца, чисто вымытого.

В тесной кухоньке – Тонечка вошла и огляделась – тоже все в полном порядке.

– Она жила совершенно одна, – возвестила Тонечка из кухни, и голос ее странно отдался от стен, словно они понимали, что пришли чужие.

– Почему? – спросила возникшая в дверях Саша.

– Чашка одна, тарелка тоже одна. Ложка, вилка, нож – всего по одному.

– Как грустно, – сказала Саша. – Когда тарелка одна, и чашка тоже. И никому дела нет, жив ты или помер...

На кухонном столе стояла круглая коробка из-под печенья, в нее были аккуратно сложены лекарства. На подоконнике две книжки.

Тонечка посмотрела.

«Дмитрий Донской» из серии ЖЗЛ и толстый том Василия Розанова.

«Донской» был заложен высушенной веткой мимозы – вот как!..

– На фотографии ничего не написано, – сказала Саша, – ни года, ни места, ни имени. И телефона я не вижу.

– Может, у нее и не было.

– Вряд ли, Тоня. Ей все же не сто лет было!.. И жила одна, мало ли, может, врачу позвонить.

Тонечка пооткрывала дверцы шкафчиков и заглянула в почти пустой холодильник, как будто там могли найтись следы родственников старой княгини.

Родион с собакой на руках стоял в большой комнате перед женским портретом, висящим над диваном.

– Что там? – спросила Тонечка.

– Какая-то старая картина, – отозвался Родион.

Тонечка взглянула – дама в глухом платье с камеей у шеи, волосы подняты вверх короной, тонкие руки сложены на какой-то книге.

...Неужели была такая жизнь? В которой женщины носили глухие платья и камеи, делали высокие прически и читали книги?..

И если была, куда она делась? Когда ее не стало?..

В революцию семнадцатого года? В войну? В шестидесятые?

На этажерке с шишечками были стопки старых журналов – «Юность» и «Работница», тяжелая, словно из чугуна, фигурка кенгуру, очень искусно сделанная, громадная «Книга о вкусной и здоровой пище» 1953 года издания.

Тонечка открыла наугад и прочла: «Коньяки (окончание). Коньяк пьют перед едой для возбуждения аппетита. Хорошая закуска к нему – кусочек балыка с лимоном или ломтик лимона с сахаром. Пьют коньяк из маленьких рюмок. Хорошо, если эти рюмки из тонкого стекла; через такое стекло виден золотисто-янтарный цвет коньяка. После обеда или ужина коньяк подается к черному кофе, к фруктам. Коньяк служит для лечебных целей, как тонизирующее средство. О целесообразной дозировке коньяка для больных и выздоравливающих следует посоветоваться с врачом».

И такая жизнь ведь тоже была! В которой коньяк пили для «возбуждения аппетита» и советовались с врачом о его тонизирующих свойствах!..

И от этой жизни тоже ничего не осталось – аппетит теперь принято заглушать, а не возбуждать, а с врачом вообще ни о чем нельзя посоветоваться – все медики брошены на борьбу с неизвестным вирусом, напавшим на человечество...

Ни записных книжек, ни бумажек, ни старых конвертов среди журналов не обнаружилось.

На самой верхней полке этажерки валялась раскрытыми страницами вниз какая-то уж совсем доисторическая книга – потертый кожаный переплет запирался медными замочками.

Тонечка посмотрела и ничего не поняла – написана книга была полууставом, как будто крошечные черные семечки сыпались из-под пера писца!..

Тонечка любила такие штуки. Ее собственный словарь «Живаго великорускаго языка» Даля был точной репринтной копией словаря, вышедшего при жизни самого Владимира Ивановича, автора!

– Родион, – сказала она, рассматривая сувенирную обложку с пряжками, – как ты думаешь, можно взять у Лидии Ивановны книгу? Я бы хоть название попробовала прочесть! Или неудобно?

– Нормально, – тут же отозвался мальчишка. – Она мне говорила, приходи ко мне, я тебе книжки интересные покажу. Старые люди почему-то любят книжки.

– Это точно, – пробормотала Тонечка.

– Я тоже люблю, – продолжал Родион. – Но только чтоб с приключениями. Чтоб море или другие галактики!

– Лучше бы ты «Войну и мир» прочел.

– Она здоровая больно.

– Как уютно она жила, – заметила Саша. – Все есть, все на местах. Вон цветы сухие в вазе!.. А на террасе кастрюля бульона. И кресло у окошка, сиди отдыхай, смотри на березы.

– Она на березы у ручья смотрела, – возразил Родион. – Они там лучше. И листья раньше распустились!

– Да я не об этом, – пробормотала Саша Шумакова.

В прихожей Тонечка обнаружила засунутый за раму овального зеркала клочок бумаги. Синей шариковой ручкой на нем было накорябано: «Валюша, среда, зайти».

Тонечка вытащила бумажку и рассмотрела – больше на ней не было ни слова.

– Какой сегодня день? – спросила она у Саши.

– Понедельник, – быстро сказала она. – Вчера я приехала, было воскресенье.

– Мы на этом карантине счет времени совсем потеряли. – Тонечка показала ей бумажку. – Больше ничего нет. Только какая-то Валюша.

– Пойдемте отсюда, – предложила Саша. – Ничего мы не найдем. Слушай, Тонь.

– М-м-м?

– Нужно бульон забрать. Пропадет. Бабка его сварила, вон на улицу выставила! Что же его теперь, вылить?

И они посмотрели друг на друга.

Уходили они с кастрюлей, книжкой и запиской. Родион держал на руках свою собаку и был задумчив. Саша растерянна, Тонечка грустна.

Мужу, когда тот позвонил, она не призналась, что ходила в дом старухи искать следы ее родственников. Она отлично понимала, что участковому влетит – он все перепутал, решил, что городское начальство печется о покойной старухе, а не о заезжей москвичке!..

– Ты бы позвонил Родиону, – попросила Тонечка. – Он беспокоится за тебя. Вдруг ты не справишься с мировой катастрофой, и вселенная погибнет.

– Это он так сказал?

– Я так сказала. Но он так думает.

– Позвоню, – пообещал Герман. – Я сегодня к нашим поеду, отвезу еду и книги. Твоя мать просила привезти книг, целый список составила.

– Ты только смотри не презаражай их!..

– Я дальше террасы не пойду, – успокоил муж. – Пакеты оставлю, и мы посидим... на социально безопасном расстоянии!..

– Ужас, – сказала Тонечка.

– Ужас, – согласился Герман. – Жди меня, и я вернусь, Тоня! Скорее всего, в субботу. На самом деле хорошо, что вы уехали. В Тверской области все же безопасней.

– Хорошо, что в этом году у Родиона экзаменов нету. Десятый класс!

– И это тоже хорошо.

Они попрощались, и вскоре явилась Саша Шумакова с объемным пакетом из коричневой крафтовой бумаги.

Кроме обещанных московского хлеба, масла и банки икры, в пакете оказались коробка зефира, банка первосортного чая, паштет и бутылка красного вина.

– Прямо раблезианство какое-то, – сказала Тонечка, оглядывая гостинцы. – Мы сейчас все твои деликатесы поедим, а ты с чем

останешься? Опять в Москву поедешь? Пополнять запасы продовольствия?

Саша махнула рукой.

– Я одна, – сказала она беспечно. – Мне никаких особенных запасов не надо. А у тебя ребенок.

– Да ребенка этого паштетами и зефирами кормить – грех один! Не в коня корм.

– Он худой как щепка.

– Вот именно! А ест, как будто еду в чемодан укладывает.

Саша засмеялась.

– Вы давно здесь обитаете?

– Еще до карантина заехали. Наш папа страшный паникер. Он нас сразу спровадил, как только стали показывать, что в Италии творится. Он сказал, что не сегодня завтра в Москве будет так же, и привез нас сюда. А потом уже карантин объявили. И он нам велит здесь сидеть и не высовываться.

– Правильно он велит. Мои друзья-врачи говорят, нужно пересидеть обязательно! Что от болезни все равно никто не застрахован, но лучше переболеть или до пика, или после.

– Да уж... – пробурчала Тонечка. – Кто бы мог подумать...

– На террасу пойдём или здесь?

– Холодно еще, на террасе замерзнем. Зато на воздухе.

– Так здесь или на террасу пойдём?!

– Пойдем, – решила Тонечка.

На столе стояла ее утренняя чашка с давно остывшим кофе. Тонечке показалось, что сегодняшнее утро было давным-давно, как в прошлой жизни.

...Про Москву и работу она тоже часто думала: все это осталось так далеко, что даже непонятно, было ли на самом деле, или ей просто показывали кино, в котором она играла главную роль.

Кино закончилось, и главная героиня оказалась в Дождеве Тверской области, в старом домике на берегу ручья с мальчишкой и крохотной смешной собакой. Из магазинов только «Рублевочка», из

развлечений только телевизор. Из одежды только джинсы, толстовки с капюшонами и вытянутыми рукавами и «позорный волк». Когда начинался дождь, приходилось подтаскивать к углу террасы длинную ржавую трубу, чтобы не заливало фундамент. Когда холодало, нужно было растапливать голландскую печь, таскать из сарая дрова, колоть щепки, складывать в печкином зеве «шалашиком», дуть, зажмуривая глаза от золы, чтоб разгорелось.

Да еще старая княгиня взяла и умерла сегодня утром прямо посередине соседского участка!..

– Ты ее хорошо знала? – спросила Саша Шумакова, словно подслушав Тонечкины мысли.

– Совсем не знала, – призналась Тонечка. – Она через нас на ручей ходила. Во-он, видишь, в ту калитку? На скамейке там подолгу сидела. Родион ее рисовал, а я и не знала!

– Он хорошо рисует?

– Мне кажется – прекрасно, – объявила Тонечка. – Вот тебя нарисует, посмотришь.

– Может, он и не собирается меня рисовать, откуда ты знаешь!

– Он рисует все, что ему нравится. – Тонечка улыбнулась соседке. – А ты ему понравилась, совершенно точно.

Саша вдруг смутилась, как будто Тонечка отпустила ей бог весть какой комплимент.

– А что у вас за собака? Дивное существо!

– Пражский крысарик, – отозвалась Тонечка из дома. Она составляла на поднос посуду. – Мы зимой взяли, и она от Родиона не отходит!.. Эти собаки с легендой, они спасли средневековую Прагу от чумы, передушили всех чумных крыс! На самом деле, они настоящие собаки, несмотря на то что крохотные. Видела бы ты, как она Родиона охраняет! Когда я его ругаю, она прибегает, садится ему на ногу и тьякает на меня! Чтоб я не ругалась!.. Родион! – прокричала она в сторону лестницы. – Спускайся, мы чай собираемся пить! И покажи нам свои рисунки! Можешь?

Мальчишка явился минут через двадцать, не меньше.

– Моя бабушка, – возвестила Тонечка, – если кто опаздывал, к столу не допускала! Опоздавший всегда обедал в одиночестве на кухне.

– Это предрассудки, – заявила Саша.

– Вот, – сказал Родион и выложил на стол папку, из которой в разные стороны торчали рисунки. – Буська, иди ко мне, замерзнешь!..

Невесомое существо, как на крыльях, подлетело к Родиону, он подхватил его с пола и сунул за пазуху. Собака немедленно высунула морду, встопорщила уши и заулыбалась.

– Можно? – Саша потянула к себе папку.

Родион кивнул.

Тонечка щедро намазала на кусок белого хлеба масло и выложила паштет. Мальчик немедленно запихал хлеб в рот, кажется, целиком.

– Слу-ушай, – протянула Саша с изумлением. – У тебя талант!

Родион довольно хрюкнул. Ни в какие свои таланты он не верил, рисовать – это так легко, нет ничего проще! – но любил, когда его хвалили.

– А вот это где? Воздушные шары над обрывом? Или ты придумал?

– В Нижнем Новгороде, – ответила за Родиона Тонечка. Ей тоже очень нравилось, когда Родиона хвалили. – Мы зимой там были. И собака наша оттуда.

– С ума сойти, – искренне сказала Саша. – Правда.

– А это уже здесь, – прокомментировал Родион, поедая второй бутерброд. – На ручье. Мостки почти сломались, но зато красиво.

– Очень!

– А это старая княгиня. Ее на самом деле Лидия Ивановна зовут, она мне сказала. Тоня, а ты точно уверена, что она умерла?

Тонечка молча кивнула. Подошла, стала у Саши за спиной и тоже стала смотреть.

Нарисовано было карандашами – Родион больше всего любил карандаши. От того, что цвета были неяркими, а штрихи

отчетливыми, рисунок словно жил, дышал.

– Она еще сказала, раз я все время рисую, мне нужно учиться. А я сказал, что после школы в Суриковское буду поступать. А она сказала: правильно, это хорошее место, известное.

Саша отложила рисунок и вытащила другой. А потом третий.

Старуха чем-то была похожа на Анну Ахматову времен «Фонтанного дома» – тяжелое лицо, нос с горбинкой, морщины вдоль щек. И сидела она, положив согнутую в локте руку на спинку скамейки, тоже словно по-ахматовски.

– Только я все равно не понимаю, как это, – сказал Родион. – Она ведь не собиралась... а все равно умерла. Это же такое серьезное дело! И она, выходит, не подготовилась, что ли?..

Тонечка посмотрела на него. И Саша посмотрела на него.

Портреты старой княгини были разложены на столе, словно она присутствовала тоже, и Тонечку это смущало.

Еще что-то казалось странным, но она никак не могла сообразить.

– Должно быть, в молодости красавицей была, – заметила Саша. – Такое... благородное лицо.

– Она и сейчас красивая, – поддержал Родион. – Я обещал, что покажу, как у меня выходит, а она взяла и умерла.

Тонечка рассматривала рисунки.

На каждом старуха была разной – вот задумчивая, а вот печальная, а на следующем почти смеется, а вон словно удивлена. Родиону на самом деле нужно много и серьезно учиться, из него может выйти хороший художник!.. Неизменными на рисунках были только одежды – короткий каракулевый тулупчик с вышитым сутажем воротником, длинное коричневое платье, тонкий белый платок паутинкой и камея у ворота.

Тонечка еще раз посмотрела.

А потом снова.

...Позвольте, сегодня утром мертвая старая княгиня была именно в этом коричневом платье, но никакой камеи на платье не было.

Тонечка переложил рисунки.

– Родька, у тебя еще есть? Лидия Ивановна?

– Наброски есть. Там в папке дальше.

Тонечка вынула все листы до одного.

– Какая прекрасная собака! – восхитилась рисунком Саша. – И выражение прямо настоящее, как у нее!

– Так я же ее и рисовал, – сказал Родион солидно и погладил прекрасную собаку по раскидистым ушам.

...Н-да. На всех набросках камей тоже присутствовала. Собственно, один из набросков и был этой самой камеей – обрамленный золотом овал, в овале три грации, летящие словно в морской пене или в облаках.

– Саша, – спросила Тонечка задумчиво, – когда мы были в доме Лидии Ивановны, тебе не попадалась... камей?

– Что? Какая камей?

Тонечка показала на рисунок.

– Нет, – сказала Саша уверенно, – не попадалась. А что?

– Она всегда ее носила, – сообщил Родион. – Я не знал, что это за штука, и спросил, а она сказала, что старинная! Украшение такое! Их специально вырезали из перламутровых раковин. Я ее тоже нарисовал, видишь?

– Да я-то вижу, – согласилась Тонечка. – На всех рисунках она есть, а на Лидии Ивановне ее сегодня не было. И в доме мы ее не видели.

– Может, она ее прятала? – предположила Саша и посмотрела на изображение трех граций в овале.

Тонечка вздохнула.

– Смотри. Я так себе представляю. Она с вечера плохо себя чувствовала. Ворочалась на диване, там подушки все сбиты. Не обедала, на столе ничего нет, кроме чистого блюда, и посуда вся убрана. Должно быть, думала, что отпустит. Утром поняла, что не отпускает, а только хуже делается, и пошла к нам. Она наверняка даже не знала, что ты приехала, потому что весь вечер лежала и не видела ни тебя, ни машины, а шторы были задернуты. Ты же ближе!

А к нам она не дошла, не успела. Когда ты ее нашла, одета она была точно так же, как всегда, – коричневое платье и платок-паутинка. Полушубок, наверное, не смогла надеть. Спрашивается, где камей?

– А... где камей?

– Пф-ф-ф! – фыркнула Тонечка. – Если бы Лидия Ивановна ее сняла, камей так и лежала бы на столике возле дивана. Там у нее такой столик с наборной крышкой, заметила?

– Нет, – призналась Саша.

– Она положила бы ее рядом с собой. Но там никакой камей не было. Куда она делась?

– Может, потерялась?

– Вчера? – уточнила Тонечка. – Или сегодня утром? Сто лет не терялась, а сегодня вдруг потерялась!

– Да, – словно оценив ситуацию, согласилась Саша. – Действительно странно.

Они помолчали. Родион громко прихлебывал чай из кружки и хрустел сухарем.

Тонечка сосредоточенно думала.

...Старая княгиня за два месяца, что они с Родионом здесь прожили, ни разу с ней не заговорила, ни разу ни о чем не спросила. Только молча кивала, когда Тонечка попадалась ей на улице, или смотрела из окна, как вчера, когда Тонечка делала перед ней книксены. Один раз они встретились в магазине «Рублевочка», и старуха поглядела на Тонечку, как все жители Дождева, – словно она сбежала из сумасшедшего дома прямо в маске и перчатках! До вчерашнего дня даже старухино имя было ей неизвестно, и все-таки она чувствовала, что должна что-то для нее сделать.

И пропавшая камей была совсем некстати, словно намекала на необъяснимые и трагические обстоятельства, при которых княгиня умерла!..

– Шторы, – вдруг сказала Тонечка. – Окна были задернуты шторами!

– В старухином доме? – спросила Саша. – Задернуты, точно.

– Она никогда не задергивала шторы, – продолжала Тонечка, волнуясь. – Я сто раз ходила мимо ее дома в сумерках! У нее горел свет, она сидела в кресле или на диване, вся комната просматривалась!..

– Точно, – подтвердил Родион. – Тонь, можно мне еще бутерброд? С сыром и с паштетом?

– С тем и другим сразу? – удивилась Саша, и Родион тоже удивился такой непонятливости.

– Не-ет, – протянул он. – Один с сыром, а другой с паштетом.

– В доме у старой княгини кто-то был вчера вечером, – заключила Тонечка. – Кто задернул занавески и забрал камею.

Саша и Родион уставились на нее.

– Должно быть, ты прав, – сказала Тонечка мальчишке. – Лидия Ивановна действительно не подготовилась к смерти. Она совершенно не собиралась умирать!..

– Но все равно ведь умерла!

– Я думаю, ее убили, – сказала Тонечка.

На лавочке перед крыльцом сидел человек в форме и орал на свой телефон:

– Стой, стой, зараза! Куда?! Туда нельзя! Давай сюда! Где этот ключ, мать его? Вот, вот, забирай! Да чтоб тебя!..

Тонечка и Саша подошли поближе. Человек в форме продолжал орать, а на них даже не взглянул.

– Как нам найти старшего лейтенанта Котейко? – спросила Тонечка.

– А у вас чего? Заявление или чего?

– Нам просто поговорить, – сказала Саша.

Человек в форме на них по-прежнему не смотрел.

– Да сейчас нету никого, – сказал он, энергично работая большими пальцами. Еще он двигался на лавочке так, словно

уклонялся от ударов. – Все на усилении. Давай, давай, шевелись, твою мать! Если заявление подать, пишите, я приму.

– А когда он будет?

– Ах, зараза, сейчас слева нападут! Слева, кому сказал!

– Старший лейтенант когда будет?

– Да почему я знаю, на усилении все! Ну! Ну! Еще! Вмажь ему!

Тут человек застонал, как подстреленный, начал валиться на бок, Тонечка ринулась, чтоб его поддержать, но Саша сзади схватила ее за полу «позорного волка».

– Опять! – чуть не плача, сказал человек. – Всякий раз на этом месте убивают, сволочи!

И посмотрел на Тонечку и Сашу.

Выражение лица у него изменилось – из страдальческого стало веселым.

– Эт самое, вы ко мне, что ли? Петрович, выдь на час! – крикнул он в сторону крыльца.

– Чего? – приглушенно спросили из-за распахнутой двери.

– Выдь, я тебе говорю!

– Как нам найти старшего лейтенанта Котейко? – настойчиво повторила Тонечка. – У него телефон не работает, а нам нужно с ним поговорить.

На крыльце показался пожилой пузатый мужик, тоже в форме и даже в фуражке.

– Че те, Ленька?

Ленька, только что чуть не павший смертью храбрых в собственном телефоне, подбородком показал на визитерш. И они оба всласть захохотали. У Петровича пузо ходило ходуном. Ленька весь взмок от смеха.

Тонечка с Сашей посмотрели друг на друга, а потом каждая оглядела себя, проверяя, все ли в порядке.

– От москвичи, – хохотал на крыльце Петрович. – От затейники!

– Ржа... ржа...ка, – проикал Ленька. – Эт самое, вы прям с Москвы в таком виде ехали?!

– А, – сообразила Тонечка, – не обращай внимания, это из-за маски и перчаток!

– Ага, – согласился Ленька, вытирая пот со лба. – Это ж надо такое удумать! Прямо «Камеди клуб»!

Саша ни с того ни с сего вдруг рассердилась:

– А вы про пандемию ничего не слышали, мужики? Вирус, люди умирают?

– Больницы не справляются, – поддержала Тонечка.

Ленька махнул рукой:

– Да вранье все, да, Петрович?

– Как есть, – подтвердил тот с крыльца. – От вируса спирт хорошо помогает, ткнул полтешок...

– А лучше соточку, – перебил Ленька.

– А лучше соточку, – продолжал Петрович. – И все вирусы как рукой снимет!..

– Блажен, кто верует, – пробормотала Саша.

– Нет, погляди на них, Петрович! Это самое, давайте поселфимся, а? Петрович, выдь к нам!

– Когда Котейко будет? – строго спросила Тонечка.

– Да кто ж его!.. Все на усилении, сказано! А чего надо-то? Или у вас коробку с масками с...стибрили?

И снова захохотал от души.

– Ничего у нас не тибрили, а нам нужно повидать Котейко. У нас соседка умерла, он просил ему позвонить, если что. А телефон не отвечает.

– Да они все в лесу, – удивился Ленька. – Дорогу конаковскую сторожат, чтоб не ездили по ней.

– Да они с Москвы, – сказал Петрович так, как будто говорил, что они из психбольницы. – Откуда им про конаковскую дорогу знать? Ну, пройдите, пройдите. Чего там у вас? Кто помер и когда?

Одна за другой Тонечка и Саша поднялись на узенькое крылечко с подгнившими балясинами. К перилам была прикручена ржавая консервная банка, полная окурков, у стены веник и совок. Вторая

дверь, обитая выдавшим виды дерматином, тоже была распахнута настежь. С правой стороны решетка, а за ней канцелярский стол с открытым журналом и телефоном, с левой – несколько дверей и разномастные стулья. Сверху свисала лампочка без абажура.

Родион пришел бы в восторг, подумала Тонечка. И сказал бы, что здесь очень красиво.

– Вон в кабинете проходите, – пригласил пузатый Петрович. – Которая открыта. Стало быть, вы с Москвы, а здесь по какому делу?

Тонечка аккуратно присела на шаткий канцелярский стул возле стола. Второй стул оказался у двери, и Саша устроилась на нем. Петрович, пыхтя, пролез на начальственное место.

– Мы здесь живем, – начала Тонечка. – Временно. Меня зовут Антонина Герман, а это Саша Шумакова.

Толстяк посмотрел сначала на одну, а потом на другую, пырнул носом по-кабаньи и пробормотал:

– Временно! Устроили там в своей Москве черти чего и сюда все побегли как ошпаренные! Небось когда там у вас все медом намазано, так вы про нас и не вспоминаете, а как вирус, так сюда повалили, нас отравлять!

– Мы потому и в масках, – сказала Тонечка растерянно. – Чтоб не заразить никого.

– Да на одно место вам всем эти маски понадевать! – сердито продолжал Петрович. – Чтоб не выдумывали чего не надо и чтоб жили как люди! Ну, чего уставилась?! Я тут хозяин, в своем праве, ты ко мне пришла, а не я к тебе! Командовать в Москве своей будешь!

– Да не собираюсь я вами командовать!

– Понаехали. – Толстяк не в силах был сразу остановиться. – Масок понацепляли на рожи свои сытые да гладкие! А у нас преступность уличная по области втрое по сравнению с прошлым годом! Это как понимать? Это так надо понимать, что все ваши, московские, куролесят!

– Мы не куролесим, – сказала Саша. – И отчитывать нас не за что.

– А я считаю, что вас, москвичей, не отчитывать, а пороть нужно. По воскресеньям! И по телевизору показывать, как порют!..

– Спасибо вам большое за помощь. – Тонечка поднялась. – Саш, придется нам Вячеславу Андреевичу звонить. Может, хоть у него телефон работает!

– Какому еще Вячеславу Андреевичу?! – взревел толстяк.

– А мэру вашему, Селиверстову, – заявила Тонечка с интонацией «на-кася выкуси». – Пойдем, Саша.

– Стой, стой! – Толстяк испуганно привскочил со стула. – Ишь, шустрая какая! Чуть что, так сразу мэру звонить! Все вы, москвичи, заполошенные!

– А что вы на нас кидаетесь?!

– Да кто кидается, кто кидается!.. Уж и поговорить нельзя! У вас, у московских, никакого понимания нету! Шуток и тех не понимаете! Давай, давай, присаживайся обратно! И ты, подружка, присаживайся!

Все расселись, как сидели, – Саша у двери, Тонечка у стола, Петрович на хозяйском месте.

– Так чего у вас стряслось? – деловым и даже отчасти официальным тоном спросил толстяк. – Звать меня товарищ майор Мурзин Николай Петрович, а вы кто будете?

– Антонина Герман, – представилась Тонечка, которой уже было смешно.

Она легко перескакивала с одной эмоции на другую, как по камушкам прыгала. Ее муж, великий продюсер, иногда говорил, что с ней и поругаться как следует не получается, она отвлекается и быстро забывает, из-за чего собралась ругаться!

– Мы живем на Заречной улице. Наш дом номер три, Сашин, – она оглянулась, – номер два. А в первом жила Лидия Ивановна, фамилии я не знаю...

– Решетникова, – неожиданно сказал товарищ майор Мурзин Николай Петрович.

– Вы ее знаете?!

– Да это в Москве вашей никто никого не знает! А у нас все промеж собой знакомцы либо сродники! Вечная ей память, пусть земля пухом, как говорится...

– Николай Петрович... – Тонечка попыталась поправить за ухом проклятую маску. Резиновые пальцы перчаток путались и тянули волосы, зацепить маску за ухо никак не получалось.

А, провалилась она совсем, правда!..

Тонечка стянула маску и зажала ее в руке.

– Николай Петрович, – повторила она. – Участковый просил меня посмотреть в доме Лидии Ивановны, может, телефон найдется или какие-то адреса! Мы с Сашей посмотрели, но ничего не нашли.

– И чего?

– А... вы? – спросила Тонечка. – Если вы всех тут знаете! Может, и родственников ее тоже?

– Да она-то приезжая, – заявил товарищ майор. – Последних лет тридцать всего и живет здесь!

– Ох, ничего себе, – пробормотала Тонечка, – приезжая! Тридцать лет живет!

– Она, Лида, ни с кем не зналась. Сама по себе. По первости к ней наши бабы-то было разбежались, а она им от ворот поворот! Я, мол, к вам не лезу, и вам ко мне ходу нету.

– Так совсем одна и жила? – не поверила Тонечка. – И никто не приезжал?

– Зачем никто? – удивился Николай Петрович. – Племянница бывала пару раз, сын ейной племянницы тоже наезжал.

– Пару раз за тридцать лет? – уточнила Тонечка.

– Ну, мож, раз пять! – Николай Петрович выровнял на пустом столе три карандаша. – Я за ими не записывал, когда они приезжали, зачем! А чего вы всколыхнулись, бабы?.. Вам-то что за дело?

Тонечка и Саша, которых никогда в жизни никто не называл бабами, немного растерялись. Сашину растерянность Тонечка прямо почувствовала спиной.

– Ваш лейтенант Котейко попросил в доме посмотреть, нет ли телефона или каких-то адресов, чтобы сообщить родственникам, я же вам говорю!

– И чего?

– Телефона мы не нашли, – сказала Саша.

– И адресов тоже, – подхватила Тонечка. – Но нам показалось странным, что у Лидии Ивановны камейка пропала, видимо, старинная. И шторы в доме все задернуты.

– И чего дальше? Ну, задернуты, ну и хорошо!

– Она никогда не задергивала, – твердо сказала Тонечка. – Вот сколько я здесь живу...

Тут Петрович опять захохотал так, что стол скрипнул и отъехал от его пуза.

– Да сколь ты тут живешь-то?! Пару месяцев? Ну, москвичи, ну, затейники! Куда ни придут, ни приедут, сразу затею затеют!

Тонечка молча смотрела на него.

– Ну, задернула бабка штору, и чего теперь? А эту, как ты сказала...

– Камейку.

– А ее сунула куда-то да и забыла! Или забрал кто!

– Кто забрал?

– А кто нашел покойницу, тот и забрал! Ты ведь мне намек даешь, что, мол, она не сама преставилась, а помог кто-то? Так?

Тонечка кивнула.

Николай Петрович посерьезнел.

– Ты нам тут воду не мутить, – сказал он строго. – И без того синим пламенем горим с этим вашим карантинником! Это ж надо такое удумать – всю державу на карантин запереть! Все позакрывали, всюду замки повесили! Мужики от безделья перепились все, бабы по улицам с синяками ходят, ребятня в хулиганизм подалась! – Он так и сказал «хулиганизм». – А вам, московским, все мало! Теперь, знамо дело, Лидушку прикончили!

– А если на самом деле прикончили? – тихо и упрямо спросила Тонечка.

Майор Мурзин Николай Петрович приподнялся со своего места, оперся ладонями-подушками о стол и перегнулся к посетительнице.

– А это уж наше дело, – тоже тихо проговорил он. – Москва нам тут не указ. Сказано, не мути воду. Ступайте, бабы, по домам. Или, ежели вам заняться нечем, за упокой души свечку поставьте, самое бабье дело!

– Как зовут племянницу Лидии Ивановны?

– Знать не знаю и не желаю.

– Где она живет? В Москве?

Тут Николай Петрович радостно осклабился и сложил из своих пальцев пухлую фигу.

– Во! Видала? Сами-то они с Москвы, а племянница с Твери ездила!

– Адрес у вас есть? Племянницы?

– Сроду не было. – Николай Петрович опять по-кабаньи пырнул носом. – Сказано, не лезь не в свое дело! Не расхлебаешься потом с тобой!.. И... давайте двигайте отсюда! Время уж к обеду!

– Старшему лейтенанту Котейко скажите, что мы его искали, – угрюмо попросила Тонечка. – Пойдем, Саш.

– Это я уж расстараюсь, – пообещал Николай Петрович. – Это ж прям новость номер один, что вы его искали! Щас я прям за руль и до лесу, где у них пикет выставлен!

Тонечка и Саша одна за другой вышли на улицу и остановились у лавочки, на которой все играл с телефоном весельчак Ленька.

Он не обратил на них никакого внимания, они его больше не интересовали.

– Да уж, – сказала наконец Тонечка. – Никто тут нам помогать особенно не расположен.

– А ты все-таки думаешь, что нам нужна помощь?

– Нужно родственников найти, Саш, – Тонечка вздохнула. – Даже если я все придумала и Лидия Ивановна сама по себе умерла, как-то не по-людски выходит. Кто ее похоронит, где? А родственники, оказывается, есть.

– Да этот упырь и наврать мог, – заметила Саша.

– Зачем ему нам врать?

– Затем, что мы из Москвы, а он Москву ненавидит.

Они пошли по узкой улице под горку. Машины ездили редко, прохожих тоже почти не было. Но те, что попадались, непременно останавливались и подолгу смотрели им вслед. И водители притормаживали и тоже смотрели.

– Я нервничаю, – призналась Саша. – Все смотрят.

– Привыкнешь, – с философским видом Тонечка махнула рукой. – С Родионом хуже, на него тоже все смотрят, а он этого не любит. И маску снимает, и перчатки! Я стараюсь в магазин сама ходить, чтоб он лишний раз там не терся.

– Смотри, правда все закрыто.

Во всех домишкам, уцелевших от стародавнего купеческого изобилия, в первых каменных этажах помещались лавки, лавчонки, салоны сотовой связи и парикмахерские «экономкласса». Все двери заперты, некоторые даже заложены поперечинами, на всех белели бумажки. Бумажки извещали, что «в связи с карантином» заведение не работает.

– ...И как жить? – спросила Тонечка саму себя. – Люди ведь как-то кормились, что-то делали, старались. А теперь что? Мой муж говорит, все производство встало, никто ничего не снимает, договоры расторгают так быстро, аж бухгалтерия не справляется! А у него тоже люди работают, а у них семьи, дети, кредиты...

– Кто у тебя муж? – поинтересовалась Саша.

На белые бумажки, извещавшие о закрытии, она старалась не смотреть.

Должно быть, во время войны женщины так же отворачивались от собственных окон, заклеенных крест-накрест газетными полосами.

– Продюсер, – сказала Тонечка. – Великий. Звать Александр Герман.

– Тот самый?..

– Наверное, тот, – согласилась Тонечка. – Он снимает фильмы, а я пишу сценарии. Это теперь никому не нужно.

– Ну, подожди, – Саша поправила проклятую маску. – Может, еще будет нужно.

– Хорошо бы. И надо бы, чтоб все до этого момента продержались! И мы, и артисты, и съемочные группы! А самое главное – зрители.

– Это точно, – пробормотала Саша.

– Вон там за складами дивной красоты церковь. Вдруг она открыта, мы бы правда свечку поставили! А нет, хоть снаружи посмотрим. Хочешь?

Саша немедленно выразила желание осмотреть церковь.

– А что тут за склады?

– В Дождеве мебельная фабрика, довольно солидная, – проинформировала Тонечка, чувствуя себя старожилом. – Многие там работают. И еще стекольный завод, не такой, как в Гусь-Хрустальном, но тоже приличный. Настоящий советский хрусталь делает. Я тебе потом покажу бокалы! Сейчас все закрыто.

– А ты хорошие сценарии пишешь? – вдруг спросила Саша.

Тонечка искоса взглянула на нее. Теперь дорога поднималась в горку, идти было трудно.

– Мой муж говорит, хорошие, – сказала она осторожно. – Его бы воля, он бы меня заставил по сценарию в месяц писать, а я так не могу. Мне сначала нужно чуток подумать, потом еще немного, потом... Ну, вот «Дело штабс-капитана», например, я написала!

– Иди ты! – не поверила собеседница.

– Точно тебе говорю! А что такое?

– Я тебе потом скажу, – пообещала Саша. – Есть у меня одна идея... Не то чтоб идея, но... мысль. Мы обсудим, вдруг она тебе понравится.

...Они поднимались к церкви и разговаривали, как старые подруги, которым наконец-то удалось встретиться и даже пару дней побродить по приятным местам. Тонечка то и дело забывала, что

познакомились они вчера, ничего друг о друге не знают и бродить вдвоем им... незачем.

У них есть только одно общее – покойная Лидия Ивановна, старая княгиня.

Тут Тонечка «перепрыгнула» совсем на другую мысль.

– Но ведь камешка пропала, – сказала она. – И Лидия Ивановна не могла ее потерять! То есть могла, конечно, но это уж совсем невероятное совпадение! Такое даже в сценарий нельзя вписать!

Саша остановилась.

– Тонечка, – выговорила она и неожиданно сняла маску, – ну ты же не думаешь, что камешку на самом деле взяла я?..

– Н-не думаю, – призналась озадаченная Тонечка. – А что? Ты взяла?

– Нет, конечно!.. Просто упырь сказал, что камешку мог утащить тот, кто нашел тело! А я не брала.

– Ну, конечно, нет, – успокоила Тонечка. – Что ты вдруг занервничала?

– Потому что я не брала.

– И я не брала, – уверила та. – И Родион не брал. – Тут она опять «перепрыгнула». – Я второй день уроки не проверяю, он наверняка ничего не делал вообще. Он у нас не учится категорически! Когда спрашиваешь почему, он или молчит, или разводит демагогию. А я ему говорю – проще за два часа все выучить, чем каждый день скандалить.

– Зато рисует гениально.

– Саш, мы не знаем, гениально он рисует или просто рисует, – сказала Тонечка с досадой. – Если гениально, все в порядке, он всю оставшуюся жизнь может ездить верхом на кривой козе, а поклонники будут восторгаться! А если нет? И придется работу искать, зарплату получать? А он до сей поры с ошибками пишет!

– Ну, знаешь, – подумав, проговорила Саша. – Человек с фамилией Герман не может быть дебилом!

Тонечка засмеялась и шумно выдохнула:

– У-уф! Почти пришли. Лестницы – враг панды, честное слово.

Белая, как меловая гора, тяжелая, как шлем тверича, широкая, как крепостная стена, церковь венчала собой горушку. Отсюда весь Дождев был как на ладони – узкие улочки, купеческие домики, покосившиеся заборы. За рекой Дождевкой тянулись сараи, склады, догнивали ржавые дебаркадеры и брошенные катера. Солнце подсвечивало свежую, только что пролезшую зелень, и от всей этой картины становилось невыносимо грустно.

– Должно быть, пристань там была, – сказала Саша. – Во-он, видишь? Где домик с трубой и как будто причал.

– Наверняка была, – согласилась Тонечка.

Ей всегда жаль было этих городов, в прошлом зажиточных и нарядных, а сейчас пропадающих ни за грош.

...Совсем как старая княгиня Лидия Ивановна!..

– Всю Великую субботу дождь шел, – Тонечка улыбнулась. – И я очень боялась, что в Иерусалиме огонь не сойдет.

– Да ладно, – неуверенно сказала Саша.

– Точно, точно! А когда сошел, я так обрадовалась! И побежала сюда, хотя церковь закрыта, службы не было. У меня кулич в духовке стоял, а я все равно побежала. И вот, представляешь, как только я на горку взобралась, вдруг – рра-аз! И солнце! Откуда оно взялось?! И сразу весело стало, как будто дышать легче.

– Ну ты фантазерка.

Тонечка вздохнула.

– Ты как мой муж, – буркнула она. – Ни во что не верит, говорит, что огонь сходит не по Божьему промыслу, а по химической реакции. А мне так не нравится!

По древней брусчатке с пролезшей между камней травой они дошли до входа в храм, остановились и задрали головы.

– Представляешь, он стоит здесь с четырнадцатого века. И все видел. И все помнит.

Белые стены с узкими бойницами окон уходили высоко вверх, к солнцу, и казались бесконечными.

Саша положила руку в резиновой перчатке на монументальную резьбу.

– Смотри-ка, Тоня! Открыто!

Она поднажала, и дверь тихонько, неохотно подалась.

– Надо же! – воскликнула Тонечка. – Все время было заперто! Вот нам повезло! Заходи.

– А можно?

– Если нельзя, выйдем, – объявила решительная Тонечка. – Пошли!

Они зашли в полутемный притвор – здесь оконца были словно слюдяные – и прокрались дальше. Двустворчатая высокая дверь внутрь храма была приоткрыта, они зашли и остановились. Тонечка натянула на голову капюшон толстовки. Саша, которой нечего было натянуть, посмотрела по сторонам в поисках корзинки с платками, которые обычно ставят в храмах.

Корзинка оказалась в самом углу.

– Я пойду с батюшкой Серафимом поздороваюсь, – негромко сказала Тонечка. В пустом храме ее шепот был отчетливо слышен. – Вон там, в правом приделе Серафим Саровский. А ты посмотри, как купол расписан! Тут такие фрески!.. Глаз не оторвать!..

Тонечка торопливо пошла по правому приделу, шаги гулко отдавались от стен. В храме горели только лампы, и она представляла себе, что именно так здесь было в четырнадцатом веке – полутемно, гулко, и только лики отливают золотом, словно светятся сами по себе!..

Вдруг что-то с грохотом упало и покатилося.

Тонечка замерла. Ей стало страшно.

– Саша? – позвала она. – Ты где там?.. А?

Она оглянулась, но никакой Саши позади не было.

Тонечка сделала еще несколько шагов. Она изо всех сил прислушивалась, но ничего не было слышно, только звенела в ушах тишина.

Она оглядывалась по сторонам, вдруг споткнулась, потеряла равновесие и грохнулась на холодный плиточный пол – прямо на коленки!

Тонечка зашипела от боли и тут только поняла, что споткнулась... о человека! Тот лежал на полу, прямо посередине прохода, рука откинута.

– Саша! – закричала Тонечка изо всех сил.

Эхо заметалось по храму и пропало в вышине.

Послышались торопливые шаги, Тонечке показалось, что очень много, словно взвод солдат промчался, короткий вскрик, удар.

Тишина.

– Саша!

Кое-как Тонечка поднялась на ноги и, хромя, побежала к центральному проходу. Золотые лики провожали ее суровыми взглядами.

Саша Шумакова стояла на коленях, почти упершись лбом в стену. Платок съехал ей на глаза.

Тонечка подбежала и обеими руками стала тянуть ее за шиворот.

– Вставай! – в отчаянии повторяла она. – Вставай!

Саша неуверенно поднялась, держась рукой за высокий подсвечник.

– Что случилось?! Ты жива?!

– Жи...ва, – проговорила Саша, растерянно улыбаясь. – Кто-то меня... ударил... кажется.

Тонечка повернула ее к себе. Левая бровь была рассечена, из нее капала кровь, очень обильно. Так показалось Тонечке.

– Там кто-то лежит, – вдруг вспомнила она. – Человек! Я о него споткнулась!.. Ты посиди, я сбегаяю к нему.

– Я с тобой, – сказала Саша.

Тонечка поддерживала ее под локоть, кровь из раны капала Саше на щеку, на платок, стекала по белой куртке.

На Саше была щегольская, очень московская курточка.

Они добрались до человека, который так и лежал неподвижно.

– Он умер? – спросила Саша, как вчера спрашивал мальчик Родион.

Тонечка присела.

Человек был большой, тяжелый, не перевернуть.

– Саш, помоги мне!

Они навалились вдвоем. Человек перекатился на спину, рука описала дугу и ударилась о плиточный пол, совершенно как мертвая.

– Я не понимаю, – лихорадочно пробормотала Тонечка, – жив он или нет!..

– Дай я послушаю, – Саша вытирала рукой лицо. Вид у нее был страшный.

– Так ты не услышишь!

Тонечка стала искать на большой руке место, где можно было бы нащупать пульс.

...Как это у героев сериала все получается так просто?! Почему в жизни совсем не просто, а страшно, больно, долго? Почему черная кровь капает на плиточный пол и на одежду лежащего, а она, главная героиня, никому и ничем не может помочь?!

Она так и не поняла, жив человек или мертв, когда он вдруг пробормотал, не открывая глаз:

– Господи помилуй.

– Вы живы?!

– Да... по всей видимости.

Человек открыл глаза. Взгляд у него сфокусировался не сразу.

Он несколько раз моргнул, с усилием вздохнул, посмотрел на Тонечку, перевел взгляд на Сашу и повторил:

– Господи помилуй.

И стал неуклюже подниматься.

Только теперь Тонечка обратила внимание, что он был в священническом облачении.

– Давайте-ка я вас в больничку отвезу, – проговорил человек. Стоять ему было трудно, он, как давеча Саша, опирался рукой о стену. – Вон кровь у вас идет.

– Что случилось? – спросила Тонечка. – Вы кто?

– Отец Илларион, – спохватился человек. – Служу здесь, в храме. Вот ведь пакость какая, господи прости.

– Я на улицу выйду, – выговорила Саша. – Подышу.

Отец Илларион крепко взял ее под руку и повел. Тонечка потащилась за ними.

С некоторым трудом все трое выбрались из храма. Саша была бледной, почти зеленой, и кровь все капала.

В кустах сирени по правую руку располагались несколько ветхих лавочек, но они туда не дошли. Саша опустилась прямо на ступеньку. Тонечка пристроилась рядом с ней.

– Я сейчас посижу немного, – пробормотала Саша виновато. – И мы пойдем.

Отец Илларион, потоптавшись, тоже уселся рядом.

– В больничку надо, – заметил он. – Кровь не останавливается.

Тонечка полезла в рюкзачок, заменявший ей дамскую сумку. В Москве этот самый рюкзачок в вензелях и кренделях знаменитой французской фирмы имел большое значение, подчеркивал статус и служил предметом гордости. В Дождеве Тонечка носила его исключительно потому, что он был удобен – в него, помимо всего прочего, помещались батон, полкило колбасы и бутылка можайского молока.

Нужно чем-то остановить кровь. Прямо сейчас.

Она выхватила марлевую маску и велела Саше прижать ее ко лбу. Саша послушно прижала. Запасы пластыря у Тонечки никогда не иссякали, она то и дело стирала пятки чуть не до мяса, при этом совершенно не имело значения, новая обувь или старая!.. А мирамистин таскала с собой потому, что Родион лазал по кустам, провалившимся мосткам и развалившимся домам в поисках «красоты».

– Помогите мне, отец.

– Да, да, что нужно?

Тонечка брызгала антисептиком и отрывала куски пластыря, отец Илларион прижимал сложенную вдвое марлю к ране, и операция завершилась благополучно. Кровь перестала сочиться.

– Все равно в больницу нужно, – заметил отец. – Чтоб зараза никакая не попала.

– Да я побрызгала.

– Я, когда падала, об угол ударилась, – сказала Саша и закрыла глаза. – Сильно.

– Ты видела, кто на тебя напал?

Она покачала головой.

Отец Илларион вздохнул:

– Сволота какая, прости господи. Средь бела дня храм грабить! Надо ж такое удумать!

– Сколько их хоть было? – спросила Тонечка.

– Да не видел я, – ответил отец Илларион виновато. – Если б увидел, не допустил бы! Огрели меня чем-то, а я тоже хорош! Сразу и завалился!

– Я даже не поняла, вы живы или нет.

– Так я тоже сразу не понял, – признался священник.

Он был большой, сильный, из-под рясы выглядывали высокие сапоги, словно он приехал с охоты. Сколько ему лет, не понять – могло быть тридцать, а могло и пятьдесят.

Саша прерывисто вздохнула и привалилась к Тонечке.

– Может, все ж таки в больничку поедем?..

– Что вы заладили – в больничку, в больничку, – сказала Саша, не открывая глаз. – Мы вот сейчас посидим и пойдём себе. Я отдохну немножко.

– Сколько раз мне муж говорил, чтоб я в уличные бои не вступала! И все без толку. – Тонечка тоже прикрыла глаза. Коленка наливалась болью и, кажется, распухла.

– Это он дело говорит, – одобрил батюшка Тонечкиного мужа.

Так они сидели, вздыхали, переживая происшествие, и солнце зашло за голубой с золотыми звездами купол, весенние яростные

лучи вырывались из-за него.

– Так что случилось-то? – в конце концов спросила Тонечка. – Расскажите, батюшка.

– Я каждый день в храм прихожу, – начал отец Илларион. – Помолиться, душу в порядок привести. Ну, и в храме чего-нибудь подделать, там всегда работа найдется.

– И сегодня пришли?

– И сегодня пришел, – кивнул отец Илларион. – Только я обычно машину с этой стороны оставляю, а нынче со стороны кладбища бросил. Надгробие там завалилось, так я поправлял. А потом замок открыл, перекладину снял, внутрь вошел. Ну, помолился, как мне хотелось, в алтарь ходил, поздоровался со всеми. – Тут он вздохнул. – Они ж все живые! И святые, и преподобные, и старцы со старицами. Потом к батюшке Серафиму отправился, лампадку поправил, поговорил с ним. – И опять вздохнул. – Тут меня и оглушили. А я-то хорош! Здоровый мужик, а сразу свалился.

– Так это смотря как оглушили, – пробормотала Тонечка. – Хорошо, что не убили.

– Бог милостив, – отец Илларион махнул рукой. – А вы откуда будете, матушки? И как в храм попали?

– Мы на Заречной улице живем. А к храму просто так пришли, посмотреть. А потом увидели, что открыто, ну и вошли.

Илларион кивнул, принимая объяснение.

– Я вас нашла и... перепугалась. Вы на полу лежали, как мертвый. А тут Саша закричала, я к ней, а у нее все лицо в крови! И никого уже нету. Только мне показалось...

– Что? – спросила Саша.

– Что их несколько человек было, – договорила Тонечка. – Не один.

– Я не поняла, – призналась Саша.

– Я тоже не заметил, – поддержал отец.

– А у вас есть что брать? – спросила Тонечка и вдруг покраснела. Ей показалось, что она задала бестактный вопрос. – То есть в храме?

– То-то и оно, что есть. – Отец Илларион потер затылок, как видно, ему тоже сильно досталось. – При советской власти храм бедствовал, в запустении был. Тут, в Дождеве, народ небогатый. Туристы нас не балуют, в стороне мы. В Тверь и в Питер дорога в обход нас идет.

Тонечка кивала, это все ей было известно.

– А в девяностые, – отец Илларион вздохнул, – на храм наш жертвовать стали... щедро.

– Вы так говорите, батюшка, как будто это плохо.

– Да оно не плохо, конечно, только хорошего тоже мало. Про Диму Бензовоза не слышали?

Саша покачала головой, не открывая глаз, а Тонечка переспросила:

– Про кого?

– Был такой авторитет, звался Дима Бензовоз. Бензин тоннами воровал и цистерны по заправкам разгонял, говорят, такие барыши имел, куда там «Норильскому никелю». Так вот он родом отсюда, из Дождева. Он храм наш, считай, облагодетельствовал. Иконы дарил афонские, все в золотых окладах. Паникадило, то, что у нас в самом центре стоит, на заводе в Златоусте лили, из чистого серебра! Потом еще золотили, а бирюзу из Индии везли. А жертвенник, а крест!.. Лампады у нас не только в алтаре, а по всему храму были из чистого золота.

– Ох, ничего себе, – пробормотала Тонечка.

– Вот предшественника моего из-за всего этого богатства топором и зарубили, – неожиданно закончил отец Илларион. – Он злодеев прогонял, пускать не хотел, да разве с ними сладишь, ежели он один, а их... целая свора!..

– Ужас какой, – сказала Тонечка беспомощно.

Ей представился священник, почему-то старенький, худенький, бороденка клоками. Еще представилось, как он на пороге этого самого храма, раскинув руки крестом, увещевает бандитов, просит уйти, а они только хохочут и горячат коней, что им какой-то старик!..

Старик не помеха, один взмах, и не станет никакого старика – путь свободен, хватай, бей, поджигай!.. А по стенам пляшут отсветы пламени, корчатся тени. И ужас на золотых ликах!..

...Какого времени эта картина? Четырнадцатого века или двадцать первого?..

– Что могли, вынесли, – продолжал отец Илларион, – но не все. Дима Бензовоз вовсе не дурак был. Что к чему, смекал отлично. У него здесь, в Дождеве, сторожевой пост был – так, на всякий случай. Оттуда его люди прибежали, перестрелка была, только предшественник мой уж мертвый лежал. Храм пустовал потом сколько-то, никто из отцов служить тут не горел желанием. Побаивались, все же место страшное. А я, как только сюда назначение получил, перед вдовой взмолился – забери, мол, дары мужнины, не по силам они нам, не по плечу ноша!

– А Диму, что... тоже убили?

– Ясное дело, – подтвердил батюшка. – Сколько их в те поры поубивали, не сосчитать. Вдова осталась, а деток не было, не дал Господь. Я ее просил подарки забрать. А она... что ж... молодая была, тоже непутевая, какая-то королева красоты, что ли. Она кой-чего позабрала, конечно, что легко продать было. Вот паникадило осталось, жертвенник тоже... Купель крестильная серебряная, старинной работы. Лампады кое-где.

Тут отец Илларион вздохнул еще горше и вдруг засмеялся.

– Только мне в епархии такой нагоняй дали! За разбазаривание даров! В Беркакит хотели услать, там только-только церковь построили, священник требовался. Уж в последний момент архимандрит вступился, оставил здесь...

– Вам камеры нужно вешать и охрану нанимать, – сказала Тонечка от души. – Лампады из чистого золота!..

– Камеры в храме Божьем – дело лишнее, – отец Илларион улыбнулся. – Зачем людей смущать? Они по своим сокровенным делам приходят, некоторые еще и не каждый день. Им с мыслями

собраться нужно, большую работу в собственной душе провести, а тут камеры! А охрану нанимать нам не из чего.

Они помолчали.

– Заявить бы надо, – сказал отец Илларион наконец. – Вдруг стервец этот опять полезет! Вы меня подождите тут, матушки, я за машиной схожу. Подвезу вас, а потом в отделение съезжу.

Он тяжело поднялся и зашаркал сапогами по брусчатке. Тонечка смотрела ему вслед.

– Влипла ты со мной в историю, – сказала она Саше. – Ты меня прости. Я хотела свечку поставить и красоту показать, а тебя по голове стукнули!

– Ну, из седла меня выбить не так-то просто. Я железная.

– Брось ты.

– Точно, точно, – подтвердила Саша.

На лбу у нее была кое-как прилеплена толстая марлевая нашлепка, куртка вся в ржавых пятнах крови, на плечах бурая, давно не стиранная церковная косынка. Прямо сразу видно – гранит, бетон, как закалялась сталь, а не женщина!..

Тонечка засмеялась.

– Ты надо мной смеешься? – осведомилась Саша. Та покивала.

Подкатил отец Илларион на «уазике». Обе дамы, поддерживая друг друга, заковыляли в его сторону.

– Я все прикидывала, какая у него машина, – в ухо Тонечке тихонько проговорила Саша. – А оказывается «Патриот»!

– Я ставила на «Ниву», – так же тихонько ответила Тонечка.

Они взобрались на заднее сиденье, «уазик» бодро развернулся и поехал, подпрыгивая на выбоинах.

– Отец Илларион, – Тонечка схватилась за ручку, чтоб не так бросало, – а вы Лидию Ивановну знали? Которая на Заречной улице жила?

– Не очень знаю-то, – признался священник. – Она в храм почти не ходит, только по большим праздникам. На Пасху, на Рождество да

на Троицу. Со мной не заговаривает, и я себя не навязывал. Если б понадобился я ей, сама бы подошла.

– И родственников ее никогда не видели?

Отец Илларион выкрутил руль и посигналил мальчишке на велосипеде.

– Родственников не видел. Хотя Валюша рассказывала, что Лидия Ивановна письма будто бы писала. По старинке, на бумаге, в конверт вкладывала и отправляла. И вроде даже переводы ей приходили!.. Валюша, она такая, поговорить любит.

– Нам бы родственников найти, – сказала Тонечка. – Нехорошо как-то, не по-людски. Человек умер, а родные не знают.

– Господи Иисусе, – вдруг изумился священник. – Лидия Ивановна скончалась? А я и не знал.

– Где найти эту Валюшу, батюшка?

– На почте служит. Вот беда-то, я не знал про Лидию Ивановну...

Продолжая сокрушаться, он высадил их возле Сашиного дома и уехал.

Тонечка рвалась «помогать и ухаживать», Саша отказалась – ласково, но твердо.

– Ты иди к Родиону, – сказала она. – А я полежу, приму душ, вечером увидимся.

– Точно сама справишься? – на всякий случай уточнила Тонечка, и Саша уверила, что справится.

Едва войдя в дом, Тонечка поняла, что мальчишка не обедал, никаких уроков не слушал и домашнее задание не делал. В ее комнате, откуда следовало обучаться онлайн, все было в том же виде, в каком Тонечка оставила утром.

Два несъеденных бутерброда лежали на тарелке рядом с чашкой остывшего чая. Тетради и учебники – аккуратными стопками, как и были Тонечкой сложены.

Она оглянулась, вздохнула и посмотрела на дверь еще раз.

Вариантов два.

Первый: сейчас она, как фурия, врывается в его собственный личный рай, где он рисует, позабыв обо всем на свете. Она врывается, захлопывает альбом или вытаскивает листок и с ходу начинает допрос: почему ты опять пропустил уроки? У тебя сегодня они начались в одиннадцать, и ты мне обещал! Почему ты не выполняешь обещания?! Хорошо, допустим, ты забыл, хотя я тебя усадила за компьютер, когда уходила, но ведь нужно узнать задание? Ты узнал? Почему ты не узнал? Когда ты собираешься его делать? Уже вечер скоро! И вообще – как ты собираешься жить? Ты ничего не помнишь, ты не умеешь работать, ты не желаешь прикладывать никаких усилий! Ты понимаешь, что тебя ждет голодная смерть на помойке?!

Под конец она, распалившись, будет орать, а мальчишка, сгорбившись, бормотать невнятные оправдания.

Второй: сейчас она не врывается как фурия в его комнату, а остается в своей, стягивает джинсы, осматривает отекающую коленку, оценивает масштабы бедствия, надевает самый мягкий, самый дивный, самый любимый костюм с поэтическим названием «Миссоны», купленный накануне всех событий в центральном универмаге, – Тонечка называла его «Муссоны», – берет книжку, «позорного волка», заваривает чай и усаживается на террасе. Когда Родион явится, она ни о чем его не спрашивает, а предоставляет ему возможность или объясниться, или сделать вид, что все в порядке.

...Что говорить, второй вариант, конечно, приятнее.

Мама Марина Тимофеевна часто упрекала ее, что она малодушничает и слишком жалеет себя – детей нужно воспитывать правильно, ругать за плохое и хвалить за хорошее, а Тонечка хвалить никогда не забывает, а ругает редко и без энтузиазма.

«Ты не понимаешь, – говорила мать. – Если ты сейчас не объяснишь, не заставишь, человеку потом трудно придется! А ты все пускаешь на самотек».

Тонечка прикрыла дверь и принялась стягивать джинсы.

...Должно быть, она и вправду малодушная и эгоистичная. Ей хочется отдохнуть от пережитого, а не воспитывать Родиона правильно. Еще ей хочется смотреть на дальние березы над ручьем, читать Эренбурга, мечтать, как, может быть, в выходные приедет муж и они будут валяться в постели до позднего утра, смеяться и рассказывать друг другу всякие глупости. Ее мужу отлично удаются утренние глупости!..

Кстати! Тонечка замерла, стянув одну штанину. Пусть отец немного повоспитывает сына тоже! Это мысль!..

Она дотянулась до телефона и нажала на вызов. И стала рассматривать левую коленку, которая была примерно вдвое толще правой.

– Что ты сопишь? – осведомился в трубке муж. – Простыла?

– Я упала, – сообщила Тонечка.

– Елки-палки.

– И теперь у меня нога как у слона. Может, я ее сломала?

– Елки-палки.

– Или она просто отекла?

– Ты ходить можешь, Тоня?

Тонечка слезла с дивана и стала ходить вдоль него, сильно припадая на левую ногу. Джинсы волочились за ней.

От боли, отдававшейся в уши, она немного вспотела.

– У-уф...

– Ну что? – настойчиво спрашивал из трубки Герман. – Можешь? Ходишь?

– Больно, – проскулила Тонечка. – Я прям на камень... упала.

– Если можешь ходить, значит, перелома нет. Почему, черт побери, ты везде падаешь?! Почему я никогда не падаю?! Когда это кончится, Тоня?!

Речь его немного напоминала ту, что Тонечка собиралась произнести перед Родионом.

– Приложи лед. У тебя есть?

У Тонечки всегда были большие запасы льда – все, кроме чая, кофе и бульона, она пила исключительно со льдом. Герман вначале недоумевал, как можно бросать лед в коллекционное вино, или пятидесятилетний виски, или, к примеру, в квас, а потом смирился.

– Приложи и посиди спокойно. И попроси Родьку, пусть он сгоняет в аптеку, купит эластичный бинт и мазь от отеков!..

– Ты приедешь в выходные?

– До них еще дожить нужно, – сказал муж в трубке. – Может, я и раньше приеду, Тонечка. Как ты живешь?

– Хорошо! – тут же откликнулась она, позабыв про коленку. – У нас погода прекрасная, солнышко и почти тепло. Мы сегодня с Сашей к храму ходили, здесь очень красивый храм четырнадцатого века.

– Саша – это у нас кто?

– Соседка! Саша Шумакова. Она только в воскресенье приехала, а вчера у нее на участке...

– Да, да, – перебил Герман, – я знаю. Бабушка-старушка преставилась. Никто тебе там по этому поводу не докучал?..

Тонечка вытаращила шоколадные глаза, как будто муж мог ее видеть, и честно-пречестно сказала, что никто ей не докучал.

– Ты знаешь храм на горке, Саша? Помнишь?

– Нет, – признался муж. – Мы в Дождеве бывали нечасто. Отец в этот дом уезжал, когда ему нужно было работать в одиночестве, и мама считала, что мешать нельзя.

– Дом прекрасный, – сказала Тонечка, которой все и всегда нравилось. – Все есть, вода такая мягкая, волосы после нее прямо блестят! И на террасе можно сидеть! Я думаю, после майских нужно трубочиста вызвать.

– Кого... вызвать? – не понял Герман.

– Человека, чтоб трубу почистил! Иногда дым прям в комнату тянет, хотя заслонки открыты. Мне сказали, так бывает, если труба сажей забита!

– Ну-ну.

– Не «ну-ну», а я вызову!

– Ты лучше садись сценарий писать.

– Саша, – сказала Тонечка, – кому сейчас нужен мой сценарий?

– Сейчас, может, и не нужен, но вскоре обязательно понадобится.

– Ты уверен?

Оказывается, не только Родиону, но и ей самой требовалось, чтобы кто-то сказал ей, что рано или поздно все наладится, переменится, упрочится. Может быть, «старая жизнь» и не вернется, но наступит «новая». Ведь состояние катастрофы – это вообще никакая не жизнь!

– Я совершенно уверен, что твои сценарии будут нужны людям, – моментально все понимая, твердо сказал Герман. – Поэтому садись и пиши.

– Хорошо, – согласилась Тонечка. – Сяду и буду писать.

– Как я соскучился, – сказал муж.

– Приезжай скорей, – сказала жена.

И они попрощались.

Улыбаясь, Тонечка плюхнулась на диван, стянула вторую штанину и тут только вспомнила, что собиралась переложить на мужа груз воспитания сына. И забыла.

Потому что безответственная!..

Она приняла душ – в старом доме на Заречной улице действительно было все необходимое: и свет, и вода, и газ, – повздыхала над своей коленкой, натянула «Муссоны» – толстовку и широченные мягкие штаны непередаваемого розово-зелено-голубого колера с малиновыми разводами. Молоденькая продавщица в роскошном магазине уверяла ее, что все эти разводы – как есть цвета сезона!

До сумерек Тонечка просидела на террасе и сильно замерзла, несмотря на все усилия «позорного волка», который старался ее согреть. Саша так и не появилась, должно быть, заснула, а может, деликатничала – что ж с первого дня так приставать к соседям!..

Зато дождалась, когда сверху скатился Родион, а за ним прискакала его необыкновенная собака.

– Тоня? – Родион и собака уставились на нее одинаковыми миндалевидными встревоженными глазами и синхронно склонили головы набок. – А что, уже вечер, да? Как это я!.. Слушай, я не нарочно! Я правда собирался учиться, я даже за компьютер уже сел и отошел на одну минуточку! На секундочку! И забыл!..

Тонечка закрыла книжку.

– А потом уже поздно было! Я хотел Илюхе позвонить и спросить, что задали!

– И что тебя остановило?

– Я забыл! – вскричал Родион с отчаянием. – Я правда забыл!

Тонечка вздохнула.

– Тоня, – Родион примостился на краешек соседнего кресла и умоляюще заглянул ей в лицо. – Тоня, давай сегодня не будем ругаться, а? Ты меня завтра отругаешь!

– Какая разница? Тебя ругай не ругай, все как об стенку горох.

– Да не горох! Я просто забыл!

– Ты безответственный человек, – сказала Тонечка, вспомнив маму Марину Тимофеевну. – На тебя нет никакой надежды. Вот на твоего отца можно положиться, а на тебя нет.

– Тоня! Я же попросил!

Это было совершенно непедагогично, нелогично и непрактично, но Тонечка поднялась, взяла свою книжку и поцеловала Родиона в заросшую светлыми волосами макушку.

– Бедный ты мой ребенок, – с сочувствием сказала она. – Ни с чем ты не можешь справиться. В первую очередь с собой.

Родион из всего этого понял только одно – он прощен, выяснения отношений не будет, можно не страдать и не каяться.

– Я тебе сейчас покажу, что днем нарисовал, – заговорил он оживленно. – Только Буську накормлю.

– Я сегодня тоже ни за что не отвечаю, – объявила Тонечка. – Ужина нет.

Родион был так счастлив – все обошлось! – что не заметил никакого сарказма.

– Давай я за хлебом сбегаю! И за колбасой! Я мигом! И потом яичницу можно нажарить!

Тут Тонечка сообразила, что он, должно быть, не ел вообще, утренние бутерброды так и остались нетронутыми, и заторопилась.

Через пятнадцать минут Родион сидел над огромной тарелкой спагетти. Макароны были щедро политы грибным соусом и посыпаны изрядной порцией сыра.

– Как вкусно, – выговорил он с набитым ртом. – Как есть охота, ужас!

– Вот и ешь, – велела Тонечка. – Приятного аппетита. И не спеши.

– Люблю, когда сыра много, – продолжал Родион, поглощая спагетти. – Очень вкусно. А где ты была весь день?

– Ну, не весь! Я давным-давно дома.

Родион перестал жевать и посмотрел на нее.

– И... не зашла ко мне?

Тонечка покачала головой. Мальчишка вздохнул:

– Обиделась, да? Что я уроки не слушал?

Тонечка кивнула. Собака подбежала, уселась ему на ногу, задрала голову и внимательно посмотрела на Тонечку – приготовилась защищать.

– Ты глупое животное, – сказала ей хозяйка. – Тебе-то в институт не придется поступать, а потом на работу ходить!..

– А почему ты в «Муссонах»? – спросил Родион. – Ты что, заболела?..

...К этому Тонечка тоже еще не привыкла! Родион мог проспать, забыть, прогулять, потерять, но при этом он все вокруг замечал и делал собственные выводы, иногда совершенно непонятные.

Костюм немислимого цвета она и впрямь надевала нечасто, берегла, жалела и облачалась в него, только когда ей требовалось... утешение.

Такой специальный костюм-утешение под названием «Муссоны»!

– Я упала, – призналась Тонечка. – Мы с Сашей пошли в храм и там... упали. Обе. Она лоб разбила, а я коленку.

– Вы даете!

– Зато с бабушкой познакомились. Очень симпатичный оказался человек!

– Он поп?

Тонечка вздохнула.

– Ты обещал мне показать, что нарисовал.

Теологические вопросы были моментально позабыты, Родион помчался на второй этаж и вскоре вернулся с рисунками.

На всех была – ясное дело! – соседка Саша Шумакова.

Некоторые Саши были больше похожи на оригинал, другие меньше, но везде была подчеркнута ее немного арабская красота – миндалевидные глаза, брови взлет, смуглая кожа, темные плотные волосы.

– Ну как? – не выдержал мальчишка. – Ничего?

– Очень, – искренне сказала Тонечка. – Как это ты... видишь? Я вот и не заметила, что она похожа на Наоми Кемпбелл!

– Кто такая Наоми Кэмпбелл?

Тонечка засмеялась.

– Ты потом посмотришь в интернете. А сейчас все же позвони Илюхе и спроси, что сегодня задали, чучело ты мое мяучело!

Впрочем, она несколько не сомневалась, что задание он запишет на каком-нибудь клочке, который потом сам собой потеряется, Родион обо всем позабудет и им все же придется скандалить и ругаться.

Тонечка терпеть не могла скандалить и ругаться.

Мама Марина Тимофеевна считала, что от малодушия.

С утра Тонечка добросовестно караулила Родиона, пока он маялся с онлайн-уроками, вздыхал и гладил под столом свою собаку,

которая у него на коленях сидела так, чтобы преподаватели ее не замечали.

Потом, как коршун, нависала над ним, контролируя, чтоб он записал задания.

Потом пообещала, что непременно проверит вечером уроки – и вчерашние тоже!

Все это было ей так скучно, и так не хотелось ничем этим заниматься! Хуже того, было очевидно, что мальчишка все чувствует и ему тоже скучно и неохота, и получается, она ведет с ним не воспитательную, а разрушительную работу!

Все друг про друга понимая, они договорились, что Тонечка ходит на почту, а Родион за это время выучит уроки.

– Завтра Первое мая, Праздник труда, – объявила она. – Будем пироги печь. Хочешь?

Пирогов Родион как раз хотел.

– Ты все-таки поучись, – напоследок попросила Тонечка и ушла.

Под самый Первомай погода, ясное дело, испортилась. Надвинулись тучи, налетел ветер, и Тонечке пришлось возвращаться за курткой с капюшоном.

Центр Дождева, до которого она со своей окраины дошагала минут за пятнадцать, был пуст и тих. Ветер трепал плакучие ивы над крошечным прудиком, мелкий дождь то переставал, то принимался вновь.

На углу улиц Купеческой и Ленина в будке сидел грустный сивый сапожник и, повесив огромный крючковатый нос, зашивал сапог – на самом деле зашивал, тянул дратву, далеко откидывая волосатую руку.

Тонечка улыбнулась ему и пошла дальше.

Сапожник проводил ее глазами.

Она миновала «Рублевочку», напомнив себе, что на обратной дороге нужно зайти и купить изюма – Родион обожал плюшки с изюмом, а завтра Праздник труда! Потом поликлинику – длинный бревенчатый барак с крылечком посередине. На

ступеньках под навесом сидел флегматичный кот и дергал ушами на дождь.

Возле отделения полиции на этот раз никого не было, должно быть, Ленка вел боевые действия в телефоне на посту, за столом, отделенным от коридора железной решеткой, а товарищ майор Мурзин маялся от скуки и вздыхал на своем рабочем месте.

...В сценариях все не так!

Города не такие, коты не такие, полицейские не такие!.. Может, фильмы и смотрят плохо, потому что все не так и зрители не верят!

Следом за участком показался домик с палисадником и синей вывеской «Почта России» прямо над единственным окошком.

Тонечка вошла в пролом в заборе – калитки не было видно – и поднялась на крылечко.

Дождь у нее за спиной припустил, застучал по железной крыше.

В домике были две комнаты, разделенные перегородкой. С одной стороны прилавок, похожий на магазинный, – Тонечка видела такие прилавки в фильмах 50-х годов про быт «новой деревни». Должно быть, когда-то он был полированный, ровный, но за много лет весь истерся, исцарапался, изошел фиолетовыми пятнами чернил. Здесь сильно пахло сургучом, и Тонечке сразу вспомнилось, как в детстве они с бабушкой ходили на почту за посылками. Дальние родственники присылали из Курска яблоки – роскошные, огромные, крепкие!.. На почте пахло сургучом, а когда маленькая Тонечка прикладывала нос к заколоченному ящику, сразу начинало пахнуть яблоками.

Бабушка всегда носила летние перчатки, шелковые или кружевные, и, когда расписывалась за посылку, старалась не слишком глубоко макать перо в чернильницу – она терпеть не могла пятен!..

На дождевой почте, напомнившей Тонечке детство, за прилавком сидела полная женщина в тренировочном костюме, зевала и листала картинки в телефоне.

Как только Тонечка подошла, женщина перестала листать, вытаращила глаза и позвала:

– Валюш, ты глянь!

Тонечка вздохнула.

– Здравствуйте, – сказала она. – Я в маске и перчатках, чтоб никого не заразить.

– Сама больная, что ль? Валюш, погляди!

С другой половины дома вышла невысокая, круглая, но при этом словно востренькая женщина, окинула Тонечку любопытным взглядом и всплеснула руками.

– От удумали, от удумали, – заговорила она. – Сами заразу из-за границы этой привезли и теперь к нам понаехали! У нас тут не Москва, милая! – прокричала она Тонечке в лицо, словно та была глухой. – У нас тут лечиться негде, мы все от вашей заразы поганой перемерем! А мы-то по заграницам не шастаем!

– Чего нужно? – сурово спросила полная тетка за прилавком. – Говорите, коли дело есть, да и с глаз долой!

– Геноцид какой-то, – под нос себе пробормотала Тонечка.

– Цыт не цыт, а если дела нет, так и с Богом!

– Есть у меня дело! – возмутилась Тонечка. – Мне нужна Валюша, меня к вам отец Илларион направил! Это вы?

И она повернулась к востренькой.

– Оте-ец! – протянула та с уважением. – А ты кто такая есть, чтоб тебя сам батюшка прислал?

– Да никто, – сердито сказала Тонечка. – Я соседка Лидии Ивановны Решетниковой с Заречной улицы. Она позавчера умерла.

Тетки переглянулись и торопливо закрестились, каждая на свой манер.

– Спаси, Господи, душу усопшей рабы твоей, – пробормотала та, что за прилавком.

– Земля пухом, как говорится, – подхватила Валюша, – горе-то какое! А ты, стало быть, соседка?

– Да.

– Как же Господь прибрал-то ее? Не мучилась?

Тонечка этого не знала. И ей обязательно нужно было узнать, Господь ли прибрал старую княгиню или кто-то перебил Его волю своей!..

– Отец Илларион сказал, что Лидия Ивановна письма тут у вас получала и отправляла. Может быть, есть адрес родственников?

– А ведь она сегодня ко мне собиралась, Лидия-то Ивановна, бедная! – Валюша зажала рот ладонью. – Мы в «Рублевочке»-то сошлись, а она и говорит, зайду, мол, я к тебе в среду, Валюша! Вот она, жисть-то!.. Была, а к среде уж вся вышла...

– Есть, есть адрес, – вступила вторая и утерла глаза. – Валюша, давай-ка нашу картотеку.

Обе тетки так искренне сокрушались о кончине Лидии Ивановны, как будто они и были ее самыми близкими родственницами!..

– У нас до прошлого года все по компьютеру было, – рассказывала между тем толстуха. – По-современному, стало быть, как положено. Да под самые Святки он возьми да сгори! Из школы Виктора Васильевича позвали, он ребятам компьютер преподает. Он пришел, посмотрел. Нет, говорит, милые женщины, его теперь только в утиль. Вот новый, почитай, пять месяцев ждем! А где без него, проклятого, не обойтись, в поликлинику к Райке бегаем, Виктор Васильевич, дай бог ему, туда всю нашу базу перенес! Валюш, чего ты застряла-то?

– Да иду я, иду!..

Валюша забежала за прилавок, взволокла на стол деревянный ящик с латунными ручками.

– Тута письма все, которые не востребовали, копии переводов, какие забрали, какие нет. Ищи, ищи!..

– Чего искать! – Валюша выхватила хлипкий листочек. – Вот, месяц назад отправляли!

Толстуха нашарила на груди очки на цепочке, водрузила их на нос и прочитала:

– Город Тверь, улица Луначарского, восемь, квартира пятьдесят! Пятнадцать тыщ целых! Получатель Батюшкова Наталья Сергеевна.

Тут она взглянула на Тонечку и взмолилась:

– Да сыми ты намордник этот, глядеть на тебя тошно!..

Тонечка поняла, что лучше снять, чем препираться. Тем более в последний раз она была в толпе полтора месяца назад, и если бы заразилась, уже наверняка заболела бы!

Она стянула маску и посмотрела в листок.

– Можно я сфотографирую адрес?

– Давай, давай. А ты когда поедешь-то? К сродственникам?

Тонечка достала телефон.

– Завтра, должно быть, и поеду.

– Ты там с бухты-барухты не брякай – померла, мол, бабка ваша! – посоветовала Валюша. – Ты осторожно, такт имей.

Тонечка вдруг сообразила:

– Подождите, то есть Лидия Ивановна переводы отправляла? Она деньги пересылала?

Тетки опять посмотрели друг на друга:

– Так оно и есть, каждый месяц. Вот же, тут написано – пятнадцать тыщ послано!..

...Странно, подумала Тонечка. Логичней было бы, если б родственники присылали старушке вспоможение!

Впрочем, она ничего не знает о старой княгине, кроме того, что та жила уютно и прочно, носила на шее камею и никогда не задергивала шторы на окнах.

– Кто ж хоронить ее станет, сердешную?

– Родственники, наверное, – вздохнула Тонечка. – Мне бы их найти.

– С адресом-то найдешь, чего там! А если нет, всем миром соберемся.

– Да погоди ты, Валюша, может, она завещание какое оставила, распорядилась.

– Ох, Марья Петровна, не собиралась она помирать! Зайду, говорит, к тебе, Валюша, в среду!.. А тут такое дело приключилось.

Тетки еще продолжали охать, когда Тонечка попрощалась, сошла с крыльца и отправилась в обратный путь, обходя лужи.

Дождь все сыпал, и сильно похолодало. Казалось, вот-вот пойдет крупа.

Тонечка накинула капюшон, вытащила наружу обшлага толстовки, чтобы не мерзли руки в резиновых перчатках, и ускорила шаг.

...Кто такая эта Наталья Сергеевна Батюшкова? Племянница, о которой говорил пузатый майор Мурзин? Или посторонняя женщина, которую старая княгиня почему-то считала нужным поддерживать? А если посторонняя, где все же искать родственников?

Просить помощи у мужа Тонечка ни за что не станет, он рассердится, будет ее пилить! И повторять, что сто раз велел ей ни во что не ввязываться, и вообще лучше б сценарий писала!

Она добежала до будки сапожника, который уже не тянул дратву, а неподвижно сидел на низкой табуретке, уставившись в мелкую сетку дождя.

Тонечка пробежала было мимо.

Сапожник в таком городе, как Дождев, должен знать не только всех жителей и их детей, но также собак, кошек и кур!..

...Ох, и влетит ей от мужа, если он узнает! И мама не одобрит!..

Она повернулась и перебежала пустынную улицу.

– Добрый день.

Сапожник поднял на нее глаза.

– Здравствуй, красавица. Туфэлка паламалась, рэмонт понадобилась?

Тонечка вдруг растерялась, и сапожник заметил ее растерянность.

– Э, твой туфэлка дядя Арсэн поправит! Дядя Арсэн сапог поправит может, батинок заплатка пасадить, туфэлка тонкий работа, прыятный!..

– У моего сына, – заговорила Тонечка очень уверенным голосом, – как раз ботинки прохудились! И кроссовки порвались! Сделаете?

– Вай мэ, – покачал головой сапожник. – Адним разом парвалась? Басиком пашел?

– Я тогда завтра принесу, – продолжала Тонечка по-прежнему очень-очень уверенно, – или даже сегодня. Сбегаю домой и принесу.

Тут она сообразила, что и ботинки, и кроссовки у Родиона совершенно целые и новые, и нужно будет что-нибудь придумать, чтоб они порвались.

Сапожник посмотрел на нее, усмехнулся и полез в карман засаленной телогрейки. Долго копался там, вынул коробку папирос и спички, чиркнул и не торопясь закурил.

Тонечка топталась перед ним.

– Ты хороший жэнщина, – наконец изрек он и помахал заскоружлой лапищей перед носом, разгоняя желтый махорочный дым, повисший в водяной пыли. – Ты... – он поискал слово, – жалкий жэнсина! Жалеешь людей. Ныкто ныкаво нэ жалеет, а ты жалеешь!

– Нет, правда, – пробормотала Тонечка. – Нужно починить.

– Нужно чинить, неси, буду чинить! А нэ нужно, не нэси, дочка!

– Я помочь вам хотела.

– Вай мэ, так памаги! Разве тэпэрь и памагать стыдно, э?..

Тонечка торопливо полезла в кошелек, достала три бумажки и протянула.

– Много, – сказал сапожник. – Нэ вазьму столько.

– А вы мне расскажите, – попросила Тонечка.

Сапожник засмеялся и заперхал:

– Чэво рассказать, дочка? Сказку?

– Вы давно здесь работаете?

Сапожник задрал вверх сивую башку и начал загибать пальцы на одной руке. Губы у него шевелились. Он сосчитал все пальцы, переложил папиросу и принялся считать на другой руке. Досчитал до конца, опять переложил и двинулся дальше. Тонечка смотрела на него во все глаза.

– Пятнасаць, – заключил наконец сапожник. – В Спитаке после землетрясения вэсь сэмя погиб, я остался, сын остался. Сын вырос,

нэ смог там, в Расию уехал, я за ним уехал. А здесь умер сын. Я остался. Здэсь живу. Сапаги чыню.

– Здэсь – это где? – зачем-то спросила Тонечка.

– А вот дварэц мой! – Сапожник показал рукой куда-то за спину, в будку. – Тут и живу.

Тонечка заглянула внутрь через его плечо. Ей показалось, что будка настолько крошечная, что в ней можно только сидеть или стоять, лежать уж точно нельзя!

– Нэ пэрэживай, дочка, я привык давно! Кагда чэлавэк адын, что ему нада? Ничево ему не нада!..

– Вы, должно быть, всех здешних жителей знаете?

– Всэx нэ знаю, а много знаю. А мэня все знают!

– Я на Заречной улице живу, – сказала Тонечка. – По соседству с Лидией Ивановной Решетниковой. Она к вам не приходила обувь чинить?

– Прыхадила, – сказал сапожник. – Она одын панимал, какой я есть мастер! В Спитаке первый был, туфли тачал, как из сэрэбра лил!.. Мой дом на улыцэ самый багатый был, красывый! Мама айлазан готовыт, на празнык хаш варыт, э-эх!.. Вся улыца радуется! Ныкаво нэ асталась, нычево.

– Лидия Ивановна у вас обувь чинила, да?

Сапожник покивал.

– У нэй сапаги и туфэлка хароший, настоящий. Хароший сапожнык шыл, мастер шыл. Сносу нэт!

– У нее была дорогая обувь? – живо спросила Тонечка.

– Э, дочка, такая обувь тэпэрь нэту, как у нее был! Стэжок к стэжку, хвоздык к хвоздыку! Отлычная работа, как будто я сам шыл! – И дядя Арсен поднял вверх желтый заскорузлый палец. – Хде такой туфэль брал, спрашиваю. А она смеется, гаварит, Арсэн, мне туфэль в Москва на заказ дэлали, я что папала ныкагда нэ насила! У ГУМе, гаварыт, шыл сапожнык, тоже армянин, Давид звали!

– В ГУМе? – усомнилась Тонечка. – Шили обувь?

– Клянус здоровьем!

– Это когда было? Сто лет назад?

– Зачэм сто? – обиделся дядя Арсен. – Сорок!

– Сорок лет назад Лидии Ивановне шили туфли?! И она их до последнего времени носила?!

– Э, дочка, хороший туфэль или сапаги за сто лэт не сносыт! А у нэй, вах, как многа туфэль! И всэ пэрвый сорт! Дядя Арсэн чыныл, латал, а она благодарыл!.. На Пасху кулич, а инагда цэлый кура угащала! Принысет, скажэт: угащайся, Арсэн! И кофе! В Армэнии все кофэ пьют, друг друга угащают! И мы с Лидой пили!

Тонечка, которая все время боялась, что заплачет, – от малодушия! – засмеялась, вдруг представив себе, как старая княгиня в шали-паутинке и с камеей у шеи пьет кофе с сапожником дядей Арсеном!

– Что смэешься, дочка? Так и было, клянус здоровьем! К сэбе приглашала, уважытэльно гаварыла! Вот внук вэрнэтся, гаварыла, папрашу, он тэбэ паможэт! Работу паможэт, жилье паможэт!

– И за пятнадцать лет не помог?.. – негромко спросила Тонечка.

– Зачэм пятнаסף? – обиделся дядя Арсен. – Всэго года тры! Я раньше ни с кэм не говорыл, малчал и работал. Думал. А патом Лида сама стала гаварыт, хвалыт стала работу маю!

– А кто у нее внук? Где его найти?

– Э, нэ знаю, дочка. Лида мне в душу не лэзла, я ей в душу нэ лэзла. Кофе, пахлава угащала, а в душу нэ лэзла. Пайду в храм, малиться за нее стану, за добрую душу.

Тонечка испытала облегчение – оказывается, сапожник знает, что старая княгиня умерла, и ей не нужно ему об этом сообщать.

– Спасибо, дядя Арсен, – сказала она и вновь протянула три бумажки, припрятанные в кармане. – Если найду внука, я к вам забегу, расскажу.

– Вай мэ, нэ нужна сыну батинки чиныть?

Тонечка улыбнулась:

– Еще будет нужно, лето впереди! И вы к нам заходите, дядя Арсен, – пригласила она. – Наш дом номер три, на Заречной улице. Я

вкусный кофе варю.

Сапожник опять поднял палец.

– Зачѐм себя хвалышь, дочка? Пусть людѹ пахвалят!

– И то правда, – согласилась она. – Ну, до свидания!

И выскочила из-под жестяного навеса под дождь.

...Так нельзя, в такт шагам говорила она себе. Так нельзя. Человек пятнадцать лет живет в будке. Так нельзя.

Нужно что-то придумать.

...В разного рода передрыгах у Тонечки всегда был один и тот же план действий. И этот план безотказно работал! Она звонила мужу, и дальше все как-то решалось.

Она забежала на крыльцо «Рублевочки», нашарила в кармане телефон и нажала кнопку.

– Как твоя нога, Ефим Давыдович? – спросил из трубки Герман. – Побаливает?

...Иногда он почему-то называл супругу Ефимом Давыдовичем. И еще «шери»! «Ефим» Тонечку веселил, а «шери» она терпеть не могла.

– Я про нее и забыла, – ответила жена и посмотрела на свою ногу. – Ничего, Саш. Вот ты напомнил, и она сразу заболела.

– Я не хотел.

– Слушай.

– Слушаю.

– Саша, я понимаю, что это странно, конечно, но все равно должна тебе рассказать...

– Ты нашла бездомную собаку, – перебил муж.

– Нет, подожди, Саш.

– Мы должны срочно устроить кого-то в больницу.

– Саша, послушай меня.

– У тебя попросили займы миллион.

Тонечка рассердилась.

– Я так ждала, когда смогу тебе все рассказать, – выговорила она и отвернулась от какой-то тетки, которая вывалилась из магазинной

двери. – Я изо всех сил держалась, потому что мне его очень жалко!
А ты меня даже не слушаешь!

– Я слушаю, – покорившись, сказал Герман. – Выкладывай.

Тонечка изложила все – про Спитак, про семью, про сына, про будку. И про то, что ничего не меняется последние пятнадцать лет. Старая княгиня вроде бы собиралась помочь, но не успела, умерла.

Герман дослушал и вздохнул.

– Тоня, – сказал он. – Ну, мы-то с тобой как поможем? Обувной фабрики у нас нет, пригласить сапожника пожить у нас на участке в Немчиновке мы не можем.

– Да он и не согласится, – пробормотала Тонечка.

– А что, ты собиралась пригласить?..

Она сопела и ничего не отвечала.

– Ну, я не знаю, дай ему денег!

– Уже.

– Значит, потом дай еще.

– Дам.

– Тоня, многие в таком положении! Ничего не работает, все закрыто. Сейчас деньги кончатся, и что?.. У этого твоего... как его...

– Дяди Арсена, – подсказала Тонечка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

первая
среди
лучших

Татьяна УСТИНОВА

Каменя
из Ватикана

1

Об этом читайте в романах «Серьга Артемиды» и «Пояс Ориона».
[Вернуться](#)